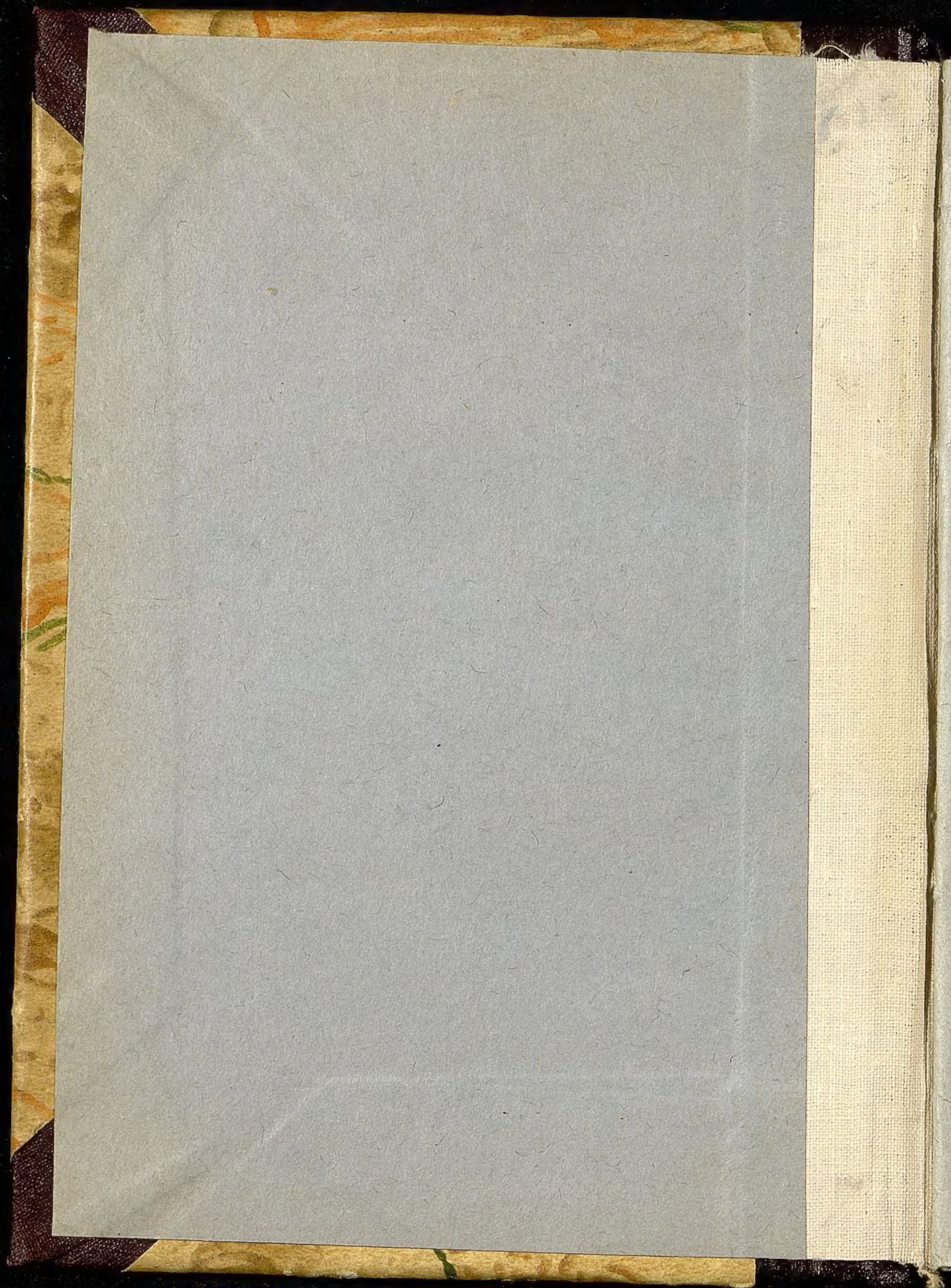
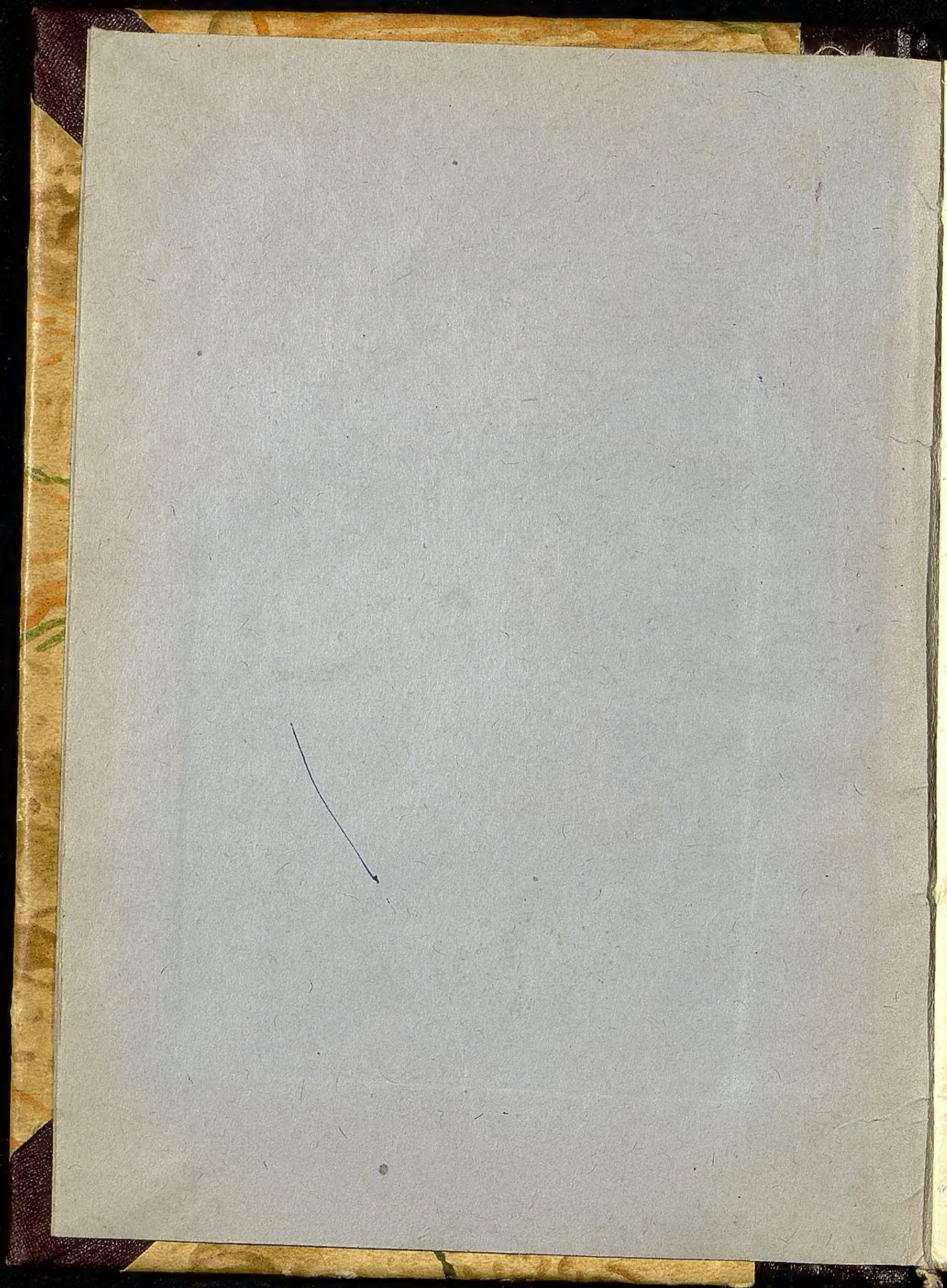

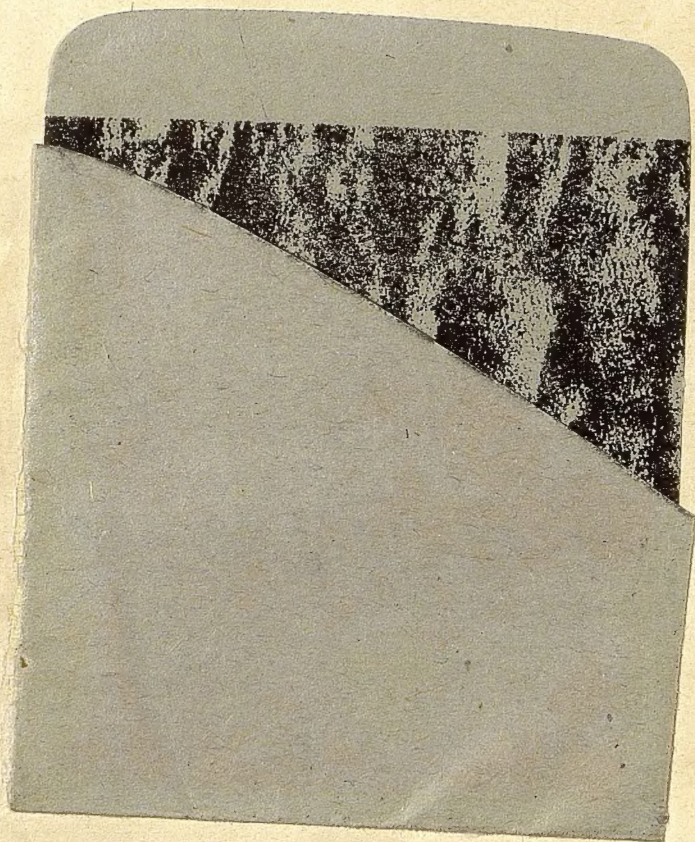
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИКО-ПАРТИЙНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. ЛАЦИС
/ДЯДЯ/

В ПОСЛЕДНЕЙ СХВАТКЕ С ЦАРИЗМОМ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1935

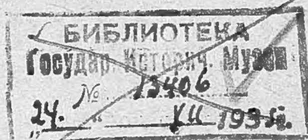
МАССОВАЯ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. ЛАЦИС (ДЯДЯ)

В последней схватке с царизмом

Воспоминания о работе московских большевиков в годы империалистической войны

Московский рабочий • 1935 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 13406
24. XII 1935

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

Предисловие

В начале 1911 г. из-за преследования жандармерии я был вынужден покинуть город Ригу, где работал пропагандистом Рижского комитета и Центрального комитета социал-демократической партии Латышского края. После двухлетнего скитания по Северному Кавказу в декабре 1912 г. я прибыл в Москву и немедленно снова включился в активную подпольную работу. Это был канун войны. Я проработал в Москве до осени 1915 г., когда провокаторами Поскребухиным, Романовым, Николаевым и другими был выдан полиции и схвачен охранниками на улице, по дороге к собранию комитета Тверской группы.

Сосланный в январе 1916 г. по делу Тверской группы в Сибирь, я оттуда бежал в ноябре того же года, и, приехав в Москву, снова вошел в подпольную работу. Борьба московской большевистской организации против империалистической войны проходила на моих глазах и при моем участии. Это и дало мне возможность поделиться своими воспоминаниями о работе московских большевиков в годы империалистической войны.

Чтобы дать читателю, не видевшему подполья, представление об условиях подпольной работы,

я подробно останавливался на вопросах конспирации и всех тех ухищрениях, к которым приходилось прибегать, чтобы, несмотря на усиленный сыск и провокацию, все же продолжать революционную работу.

Часть цитат, использованных мною, взята из книги Меницкого «Революционное движение военных годов», том I и II, а также из архивных материалов.

Автор.

Москва перед империалистической войной

В декабре 1912 г., сойдя с ростовского поезда, я вышел на площадь Курского вокзала, озабоченный тем, как встретит меня Москва после двухлетнего вынужденного подполья. Найду ли я связи с партийной организацией? Удастся ли сразу включиться в привычную подпольную работу? Не попаду ли я в лапы охранки?

Я не имел никаких рекомендательных писем и адресов и рассчитывал на то, что в таком крупном промышленном и культурном центре, как Москва, связи найти будет нетрудно.

Когда политическая жизнь подавлена, когда в стране отлив революционной волны, как это было после бешеного разгрома рабочих организаций карательными экспедициями в 1906 г., связи нащупать трудно.

Но в эти дни в стране наблюдался подъем и в промышленности и в политической жизни. Рабочее движение усиливалось с каждым днем. Росли экономические и политические забастовки.

В 1912 г., по данным «Правды», было 1 216 политических забастовок, в которых принимало участие 511 309 человек, и 712 экономических забастовок с числом участников 352 052. Всего было потеряно 2 200 тыс. рабочих дней...

В этом году в Москве рабочие откликнулись на ленский расстрел рядом стачек. Кроме того праздновалось 1 Мая, произошла забастовка портных в пяти крупных предприятиях, окончившаяся победой рабочих. В 1913 г. рост рабочего движения усилился еще больше. В политических забастовках участвовало 821 тыс. рабочих, а в экономических — 363 985. Число потерянных рабочих дней по сравнению с 1912 г. увеличилось вдвое и достигло 4 037 513.

По этому поводу кадетские журналисты писали, что 1913 г. напоминает 1905 г.

Когда в сентябре 1913 г. забастовка трамвайщиков вызвала стачку солидарности, когда развернулась кампания протеста против преследования рабочей печати и число бастовавших достигло 55 тыс. человек, то действительно перед буржуазным миром встал призрак 1905 г.

Тов. Меницкий, изучавший архивные материалы, пишет:

«Рабочие крупных предприятий выходили с заводов с пением революционных песен. Уже к 9 часам утра на улицах наблюдалось необычайное для Москвы оживление. Громадные толпы рабочих направлялись из окраин к центру города. На Театральной площади к 9 часам утра был собран большой наряд конной и пешей полиции. Рабочих разгоняли с обнаженными шашками.

К 12 часам толпа в 13 тыс. человек собралась на Страстной площади и, остановив трамвайные вагоны, предложила публике и вагоновожатым выйти из вагонов.

Затем с пением революционных песен толпа двинулась по Малой Дмитровке, где была встречена большим нарядом полиции, которая разго-

няла толпу. Разбившись на три части, толпа снова собралась на Триумфальной площади, и здесь после митинга и речей ораторов была принята следующая резолюция:

«Преследования рабочей печати носят чисто классовый характер. В последнее время они приняли характер явного издевательства, администрация не считается даже с существующими законами. Мы сегодня выступаем с решительным протестом против политических насилий и произвола над рабочей печатью и рабочими организациями. Преследование рабочей печати есть только одно из проявлений насилий, введенных в систему, а мы знаем, что только при коренном изменении существующего порядка создадутся такие условия, когда не будет никаких арестов, конфискаций и т. п. Долой царское правительство! Да здравствует социализм!»

После этого толпа направилась к Тверской заставе, останавливая на пути вагоны. Здесь она опять была встречена нарядом полиции, который, подняв обнаженные шашки, энергично разгонял толпу и по указанию «охранников» производил аресты. Арестованных толпа тут же освобождала. В разных частях города собирались толпы рабочих — от одной до двух тысяч человек, организовывавшие летучие митинги, на которых принимались аналогичные вышеприведенной резолюции протеста. В ночь на понедельник начались массовые аресты, в большинстве среди членов правлений разных профессиональных союзов. Были арестованы: казначей общества печатников Кутленко, председатель общества мануфактуристов Богачев, служащие конторы рабочей газеты «Наш путь» Воронов, Лагунев и ряд других».

Москва бурлила, как все промышленные центры России.

Это учитывали и наши большевистские организации и через легальную печать — «Правду» — и через нелегальные издания подготовляли рабочих к решительной борьбе.

Но и царское правительство учло это и пустило в ход ряд сложных мер, стараясь удушить рабочее движение, разгромить рабочую печать и большевистскую партийную организацию.

На каждом перекрестке агенты охранки вели наблюдения. В каждой легальной рабочей организации имелись агенты внутреннего наблюдения — провокаторы. С одной стороны — мощный подъем революционной волны, с другой — бешеное наступление на рабочее движение — сыск и провокация.

Такой была Москва осенью 1913 г.

В университете Шанявского

С 1910 г. я был на нелегальном положении. Выручали меня паспорт, выданный партийной организацией, и измененная внешность. Из безусого парня я стал не по годам бородатым «дядей». По паспорту я был 1877 г. рождения, и моя внешность, несмотря на мои 25 лет, должна была соответствовать 35-летнему возрасту. Очевидно с этой стороны обстояло все благополучно, так как за все годы подполья полиция ни разу не усомнилась в подлинности моих документов.

Я решил поступить в университет Шанявского [1], где, продолжая свое образование, смог бы

[1] В здании бывшего университета Шанявского помещается Сельскохозяйственный коммунистический университет им. Свердлова.

одновременно связаться с большевистской партийной организацией.

Поселившись на Лесной улице, по соседству с Миусской площадью, где находился университет, я немедленно определился слушателем университета.

Университет Шанявского был либеральным, культурным очагом. При поступлении в университет не требовалось держать испытательных экзаменов. Это было большим облегчением для всех «неблагонадежных», выброшенных из учебных заведений и не получивших документов об образовательном цензе.

Кроме того вокруг этого университета собрались лучшие силы либеральной профессуры Москвы: Кизеветтер, Сакулин, Минаков, Вышеславцев, Айхенвальд и др. В то время на общем фоне бесправия даже эти робкие голоса кадетов казались просветом, к которому тянулись, как к отдушине.

К этому университету тянулись и политически неблагонадежные элементы. Часть из них, порвав с революционным прошлым, уходила в академизм и радовалась, что сравнительно легко отделалась от «грехов молодости», другие продолжали участвовать в революционной борьбе и накопляли теоретический багаж. Основную массу слушателей составляли обыватели, тянувшиеся за певучей лирикой профессора Айхенвальда.

Очень многих этот университет притягивал целой сетью организованных при нем курсов: по библиотечному делу, по кооперации и пр.

Я знал, что к университету потянулись и работники социал-демократии Латышского края. Именно это обстоятельство толкнуло меня начать свою московскую жизнь с университета Шанявского, где я надеялся наладить подпольные связи.

Связь с большевистской организацией налажена

Я не ошибся в своих расчетах. Среди слушателей университета мне попалось несколько знакомых по прежней подпольной работе товарищей. Однако мы не подавали вида, что узнали друг друга. Ведь неизвестно, что сталось с человеком за два с лишним года. Некоторые из прежнего актива отошли от революционной работы; кое-кто стал ренегатом и даже предателем. В годы испытаний, когда реакция свирепствовала, партия усиленно очищалась от чуждых элементов.

Каждый из подпольщиков так дорожил своей свободой, что не хотел непродуманным, неосторожным шагом ее лишиться. Вот почему в первые дни случайных встреч мы притворялись чужими. Мои прежние товарищи имели достаточное основание остерегаться меня, так как я ходил в землемерской форме. Эта казенная форма, в которую я нарочно оделся, облекала меня самого в казенную оболочку и этим отвлекала внимание шпиков. Так мы внимательно следили за каждым шагом и словом другого до тех пор, пока решили заговорить, но, заговорив, ограничивались осторожными фразами о прошлом, об учебе.

Обычно проверка «новичка» начиналась в общественных организациях. Человека, которого рассчитывали привлечь к подпольной революционной работе, вовлекали сначала в работу таких общественных организаций, как правление студенческой столовой, касса взаимопомощи и пр.

Свою общественную работу я начал в студенческой столовой. Я знал, что за мной наблюдают

опытные партийцы, и старался выдержать испытание.

Однако испытание мне казалось бесконечным. Я почти забросил лекции, все время уходило на общественную работу. Наконец терпенье мое истощилось, и я решил напомнить о своем партийном имени т. Элла Крастынь. Она не могла не помнить меня. Еще в 1909 г., когда я в качестве партийного профессионала объезжал по поручению Рижского комитета сельские организации, я имел явку к ней в местечко Руен. За месяц моих наблюдений я убедился, что Элла Крастынь осталась партийкой-большевичкой, и я не боялся провала. Но она оказалась осторожной и на мою попытку сблизиться ответила недоверием. Пришлось терпеливо ждать и работать.

Моему сближению с группой партийцев способствовала совместная борьба с существовавшим при университете кружком латышских литераторов, которым руководили Розит, Пленснер (теперь латышский фашист), Лайцен — тогда индивидуалист, теперь коммунист, и др.

В горячих спорах мы неизбежно раскрывали свое политическое нутро, что несомненно привело к сближению сторонников одних убеждений. К началу марта 1913 г. уже наметился кружок слушателей университета, имевший общие интересы и политические взгляды. Среди них были Петр Цельмин, Ян Рутман, Силис, Элла Крастынь (Мулап), Георгий Николаевич Пылаев, Илья Венедиктович Цивцивадзе и др. Шаг за шагом мы стали активизировать свою работу. Мы то устраивали обструкцию кадетствующим руководителям общества содействия учащимся, то проваливали на общих студенческих собраниях кадетов из выборных органов.

Вскоре мы стали собираться как инициативная группа, оформившая свои взгляды и определившая свое место в общественной жизни и классовой борьбе. Первое такое собрание состоялось в апреле 1913 г. в помещении столовой университета Шанявского на 2-й Тверской-Ямской. Кроме упомянутых выше товарищей, на собрании присутствовали Веревкин, Тараканов и, кажется, Миша Богоявленский. Это собрание было началом работы инициативной группы студентов-большевиков университета Шанявского.

На собрании было решено установить прочные связи с рабочими и взяться за усиленное распространение «Правды», освещая на ее страницах не только жизнь студенчества, но и борьбу московских рабочих. Одновременно было решено установить связь с другими высшими учебными заведениями. С Коммерческим институтом мы поддерживали связь через студента Мерина, прежнего партийного профессионала в Прибалтийском крае, но этой единичной связи было совершенно недостаточно. Это чувствовалось каждый раз, как только мы пытались шире развертывать свою работу среди населения Москвы.

Связь с подпольем была найдена, но нельзя было вариться только в студенческом котле. Необходимо было вынести нашу работу в рабочие массы.

Я скоро убедился, что, участвуя на этом нелегальном собрании, я все же не стал официальным членом московской большевистской организации. Доказательством этому было то, что на следующем частном совещании студентов-большевиков при обсуждении оргвопросов я услышал, что председатель собрания поставил на голосование вопрос об официальном приеме меня в существу-

ющую партийную группу. Было обидно, что этот молодняк, который я сам в свое время втягивал в партию и натаскивал в теории, ставит теперь вопрос о включении меня, старого партийного профессионала, в местную партийную группу. Помня законы конспирации, я проглотил обиду и начал работать с ними рука об руку. Наконец испытательный стаж был пройден, и я стал полноправным членом большевистской организации.

Канун империалистической войны

Летом 1913 г. наша партийная группа распалась. Большинство студентов разъехалось — кто на каникулы, кто на практику. В Москве осталось лишь 3—4 партийца. Это значительно ослабило нашу работу, и только зимой 1913/14 г. снова наладилась партийная работа. В университете работало уже два кружка: один — латышский, в другой — входили товарищи различных национальностей. Самым многочисленным был латышский кружок, развернувший довольно значительную работу. Нередко устраивались расширенные заседания, на них присутствовали не только члены партии, но и сочувствующие. Оба эти кружка состояли исключительно из студентов, и в этом была наша слабость.

Когда в сентябре 1913 г. разразилась забастовка трамвайщиков, мы почти не принимали участия в этой борьбе московских рабочих. Это заставило нас серьезно подумать о необходимости тесной связи с рабочими организациями.

К весне 1914 г. нам удалось наладить связь с портными, металлистами и торговыми служащими.

Однако каждая наша попытка вести работу вне стен университета оканчивалась неудачей. Очевидно, кто-то зорко следил за каждым нашим шагом. Стоило кому-нибудь из нас начать действовать, как его немедленно арестовывали. Аресты не прекращались все время. Благодаря нашей осторожности при обыске ничего обычно не обнаруживали и арестованных выпускали, продержав в полицейском участке 2—3 недели.

Было ясно, что охранка внимательно следит за университетом. Это было понятно. Она была осведомлена о том, что в университет стекались демократические элементы, и поэтому особенно строго следила за каждым нашим шагом. Помимо агентов внешнего наблюдения, охранка имела здесь и своих агентов внутреннего наблюдения—провокаторов. Только после революции их имена стали известны. Так мы теперь знаем, что студент Валентин Митрофанович Гравировский, который выдавал себя за социалиста-революционера и активно участвовал во всех студенческих организациях, был провокатором.

По мере нарастания революционной волны жандармерия расширяла свою сеть агентов. Когда в июле 1914 г. в Москве разразилась забастовка протеста против расстрела путиловских рабочих в Петербурге, вышедших на демонстрацию, полиция была во всеоружии и немедленно рассеяла демонстрацию рабочих как в Леонтьевском переулке, так и на Цветном бульваре.

«Правда» изо дня в день помещала информации об усилении революционной борьбы во всей стране. Было ясно, что над Европой нависают грозовые тучи войны. Открыто шла подготовка империалистических держав к бойне, и никакие

фразы вершителей внешней политики о мирном исходе конфликта не могли скрыть от рабочих масс факта подготовки войны. Но когда об этом пыталась заговорить рабочая печать, ее немедленно конфисковали, а профессиональные общества и рабочие клубы, в которых об этом заговаривали, закрывались.

Аресты в городе участились. За один лишь май 1914 г. был арестован 371 рабочий. Московский комитет был разгромлен. Основные работники были заключены в тюрьмы. Наши связи с большевистскими группами были прерваны. На фабриках и заводах, в учебных заведениях работали партийные группы, которые в большинстве случаев не имели связи между собой.

Царское правительство усиленно готовилось к войне и преследовало большевистские организации, чтобы беспрепятственно проводить мобилизации.

Война войне

Летом 1914 г. наши студенты-большевики снова разбрелись по всей стране. Все же в Москве мы сумели сколотить крепкий подпольный кружок, местопребывание которого было перенесено в село Крылатское под Кунцевым. Здесь устроились на даче Георгий Николаевич Пылаев, Михаил Богоявленский и Валерьян Наумов. Вскоре к ним переехали Петр Цельмин и я. По соседству с нами жил Тихомиров (Ремейко).

Объявление войны застало нас в селе Крылатском. Мы нисколько не сомневались в необходимости самого энергичного выступления

против войны. Верные программе революционной социал-демократии, мы выбросили лозунг «Война войне!»

После разгрома Московского комитета нечего было рассчитывать на директиву сверху. Если до объявления войны указания В. И. Ленина доходили до нас с большими затруднениями и запозданиями, то сейчас, когда граница с обеих сторон была закрыта, нечего было надеяться на скорое получение этих указаний. Оставалось лишь одно— действовать на свой страх и риск, следуя программе революционной социал-демократии.

Мы решили немедленно издать листовку против войны и организовать демонстрацию протеста. Для предварительного обсуждения этих вопросов на квартире одного из дачников-партийцев в селе Крылатском было созвано собрание нашего кружка с участием приглашенных из Москвы представителей других партийных групп. Участвовали на этом собрании Георгий Николаевич Пылаев, Михаил Богоявленский, Валерьян Наумов, Петр Цельмин, Александр Тихомиров (Ремейко), Булин, Викман, Степанищев, Иванов, я и, кажется, Леонов. Всего было человек около 20.

Все собравшиеся решили, что необходимо издать листовку против войны и организовать демонстрацию протеста. Не откладывая дела в долгий ящик, мы тут же составили текст листовки, стержнем которой был лозунг «Война войне». Подчеркивая, что поддержка войны противоречит марксизму, противоречит программе революционной социал-демократии, листовка призывала всех запасных и ополченцев к свержению самодержавия и установлению демократической республики.

За техническую сторону дела взялись тт. Пылаев и Богоявленский. Листовка была размножена уже на следующий день при помощи гектографа в канцелярии управления московского водопровода. Отпечатанная листовка была немедленно роздана для распространения в рабочих районах. Одновременно мы приступили и к организации демонстрации протеста. Сбор демонстрантов был намечен в районе Тверской, Лесной и Миусской площади. Скоро выяснилось, что полиция знала о нашем решении устроить демонстрацию протеста. Ясно, что на нашем собрании присутствовал провокатор. В назначенный день мы в порядке разведки шли по Тверской-Ямской и Лесной улицам. Повсюду виднелись усиленные наряды пешей и конной полиции. На улице хлестал дождь. Это помогло нам, пользуясь плащами, укрыться от назойливых взглядов шпиков, но зато помешало привлечь широкие массы рабочих к участию в демонстрации. Вышедшие на демонстрацию товарищи ходили по тротуарам, напуганные появившейся полицией. Демонстрация была сорвана. Несмотря на разгром подпольных кружков, против войны выступил «руководящий коллектив» московской окружной организации РСДРП, выпустивший листовку. Листовка эта до нас не дошла. Очевидно она не получила широкого распространения, так как 1 августа в квартире т. Пахмана был произведен обыск и отобрано напечатанное на машинке воззвание. «Руководящий коллектив» своей «техники» не имел, что не давало возможности широко распространять листовки.

Воззвание вскрывало истинные причины войны и подчеркивало противоположность интересов

пролетариата и буржуазии. Заканчивалось воззвание призывом против войны: «Что же делать нам, сознательным пролетариям, чтобы положить конец этой братоубийственной войне и хозяйничанию безответственных правительственных групп, творящих волю дворянства и буржуазии и имеющих своими советниками Распутиных и им подобных.

В России и Германии, в Англии и Франции, в Австрии и Бельгии должен быть брошен один наш постоянный и неизменный клич: «Долой войну», «Да здравствует братская солидарность народов». Не верьте, товарищи, тем, которые говорят, что своими протестами против войны и своей борьбой против правительства мы ослабляем наши силы в борьбе с германским правительством. Революционный народ, сознающий, что он борется за свое политическое и экономическое освобождение, за землю и волю, во много раз сильнее бесправного народа, которым руководят титулованные слуги имущих классов. Этому пример революционная Франция, которая 100 лет тому назад одна справилась со всей реакционной Европой. Никакой враг нам не страшен, когда мы сами хозяева борьбы. В ответ на призыв объединиться вокруг существующей власти мы говорим: «Долой самодержавие, да здравствует вооруженный народ, да здравствует демократическая республика, да здравствует социал-демократическая рабочая партия».

Деятельность «руководящего коллектива» была пресечена жандармерией, арестовавшей, кроме тт. Пахмана и Сольца, и тт. Заворзина и Андреева. Товарищи Сольц и Пахман были присуждены к двум годам крепости каждый, Заворзин — к одному году, а Андреев — к шести месяцам.

Провал

Вскоре был арестован и т. Пылаев, взявший на себя печатание листовок. Это свидетельствовало о предательстве. Надо было спешить предупредить других товарищей, которые еще не знали об аресте т. Пылаева. Кроме того необходимо было очистить свои квартиры от всего компрометирующего. Как только мы узнали об аресте Пылаева, тт. Наумов, Богоявленский и я решили опередить полицию и поехать в село Крылатское, чтобы успеть забрать из квартиры Пылаева нелегальные материалы. Однако попасть в Крылатское оказалось не так легко. Война уже успела сказаться: Александровский вокзал был набит народом, поезда отходили переполненными, народ сидел на крышах, висел на подножках, облепляя буфера. Мы попали только на третий отходящий поезд и, кое-как уцепившись и вися в воздухе, поехали по направлению к Кунцеву. Увы, мы скоро убедились в том, что жандармерия нас опередила. Когда мы запыхавшись поднимались вдоль Кунцевского парка к обрыву Москва-реки, нас вдруг тайными знаками отвел в сторону т. Тихомиров и шопотом сообщил, что на даче полиция.

Что теперь осталось делать? Вернуться обратно в Москву, но в Москве ведь нас тоже ожидала полиция. Податься было некуда. Не попытаться ли проверить, насколько серьезен обыск? Быть может полиция приехала только за одним Пылаевым и мы своим бегством только вызовем ее подозрение?.. Но стоять на дороге опасно, необходимо собраться с мыслями и принять какое-то решение. Мне приходит в голову озорная мысль: побежать к реке, раздеться и купаясь обсудить

создавшееся положение. Так мы и сделали. Добежав до Москва-реки, мы быстро разделись, бросились в общую кучу купающихся и, пошумев сначала для отвода глаз, отплыли в сторону. Убедившись, что за нами никто не следит, мы стали решать, что же нам предпринять. Мои молодые товарищи Наумов и Богоявленский не имели в прошлом никаких «грехов». Поэтому они склонялись к тому, чтобы пойти к себе на дачу и постараться узнать, что делает там полиция. Они стали соблазнять и меня пойти с ними, но мое прошлое заставляло меня быть осторожным. Со своими молодыми товарищами я не хотел откровенничать. Я стал сначала их отговаривать от этого плана, но когда мои доводы на них не подействовали, я предложил другое: они пойдут домой и узнают о серьезности обыска, а я тем временем укроюсь в лесу и буду ожидать извещения, можно ли возвращаться домой или нет. Согласно уговору я должен был ждать до двенадцати часов ночи. Если к этому времени никто из них не придет, значит они арестованы, положение серьезное, и мне надо искать другое убежище.

Мы расстались. Товарищи ушли к себе на дачу, а я окружным путем побрел в лес. Жуткие часы провел я в лесу. В одном конце леса стояла церковь, другим концом лес упирался в деревню. Теплый летний вечер манил в лес молодежь. Куда ни пойду — повсюду люди. У меня родились опасения: быть может, среди них шпики, выслеживающие наших подпольщиков, чего доброго заметут и меня. Зачем я условился ждать здесь в лесу?

Я себя винил в том, что согласился на возвра-

щение моих молодых друзей к себе домой, где их несомненно поджидала полиция. Проходит час, другой, давно уже церковный сторож отзвонил полночь, а товарищей все нет. Я жду до часу, никто не приходит. Значит полиция пришла с прямым поручением замести всех партийцев, участвовавших на собрании и проживающих в селе Крылатском.

Куда теперь направиться? В Москве мне негде приклонить голову. К знакомым явиться опасно, не проверив надежность их квартиры. Остается лишь одно — забраться в другой дачный район, на 20-ю версту Александровской железной дороги, где под чужой фамилией, укрываясь от полиции, проживает товарищ Бирзгал, тоже бывший партийный профессионал.

Обогнув село Крылатское, я пересекаю Рублевское шоссе и молодым густым березняком и орешником пробираюсь к 20-й версте. Мокрый от росы, продрогший, к восходу солнца я выхожу на шоссе. Но в таком виде показываться народу нельзя. Приходится обсушиваться на солнце. Обсохнув, я осторожно обхожу дачный квартал, в котором живет товарищ Бирзгал, и, убедившись, что все кругом спокойно, решаюсь зайти к нему на дачу. Товарищ очень встревожен моим рассказом — ведь он сам на нелегальном положении. Я могу провалить и его. Наскоро закусив сухой булкой, я покидаю Бирзгала.

Однако куда же пойти? Первым долгом надо выспаться. Я углубляюсь в лес, выбираю укромное местечко и засыпаю тревожным сном. Сон, хотя и краткий, успокаивает меня, и, хладнокровно рассуждая, решаюсь итти в город. Там в общей массе народа могут меня не найти.

В город я направляюсь пешком, соблюдая все требования конспирации. Там я смело направляюсь к ремонтируемой столовой студентов университета Шанявского. Во время ремонта в столовой, кроме сторожа, никто не живет, а он меня несомненно пустит, ведь я член правления, и на меня возложено наблюдение за ходом ремонта. Я забираюсь в комнату, загроможденную мебелью, и, устроившись на кушетке, остаюсь на ночевку.

Ночь проходит спокойно, но вставать приходится рано, до прихода ремонтных рабочих. Коротая время, я выхожу на Георгиевскую площадь и здесь в сквере завтракаю горячей французской булкой. Ровно к 9 часам я отправляюсь на службу в гидромодульную часть министерства земледелия. Я рассчитываю на то, что полиция меньше всего будет искать здесь. Ведь я не постоянный служащий и прописан студентом, проживающим на Селезнёвской улице. Мой расчет оказывается правильным: никто меня здесь не тревожит. Работа моя сдельная, по часам, и поэтому я сижу подольше, а потом направляюсь снова в свое логовище — в столовую на Грузинской. Так продолжается несколько дней, пока я стараюсь усыпить бдительность полиции. Затем я начинаю интересоваться судьбой других товарищей и узнаю, что из нашей группы больше никого не арестовали. Полиция искала Петра Цельмина, но он в это время был в отъезде и поэтому уцелел. Арестованных товарищей — Пылаева, Богоявленского и Наумова выслали из Москвы в административном порядке, так как при обыске ничего не обнаружили и материала для суда не имелось. Я с каждым днем все смелел и начал думать о том, как снова включиться в активную работу.

Меньшевики за войну

В городе большие перемены. На улицах и на площадях масса народу: происходят сборы запасных. С угрюмыми лицами идут бородачи — отцы семейств на верную смерть. Градоначальство, опираясь на черносотенный «Союз русского народа», под флагом патриотических манифестаций организовало разгром магазинов и квартир граждан немецкого происхождения. Из окон домов летят на улицу кровати, перины, пианино, домашняя утварь... Директор фабрики Цинделя был брошен в реку...

Патриотический угар захватил не только буржуазию и обывателей, но и часть менее сознательных рабочих. Московские меньшевики выпустили листовку с призывом поддержать войну. Меньшевики были союзниками капиталистов. Фабрикант Виноградов оплатил расходы по печатанию меньшевистской листовки. Меньшевики не выпустили эту листовку легально, так как для обмана рабочих разыгрывалась комедия с нелегальщиной.

Аресту подвергались и меньшевики. Этими арестами охранка оказывала меньшевикам немалую услугу — она делала их в глазах рабочих героями революции. Просматривая сейчас архивы охранки, мы находим следующую оценку московских меньшевиков департаментом полиции:

«Меньшевики говорят, что Россия втянута в войну, но таковая будет выгодна для России и в экономическом смысле и в политическом. В экономическом потому, что, помимо уничтожения невыгодного торгового договора с Германией, несомненно разовьется промышленность, а это об-

стоятельство будет сопровождаться расцветом и подъемом рабочего движения. В политическом же смысле выгодно потому, что до войны Германия вдохновляла и поддерживала русскую реакцию, а с ослаблением этого влияния — ввиду предполагаемой победы над Германией — дальнейшая борьба для социал-демократии будет легче с уничтожением Германии, являющейся носительницей идей милитаризма; последняя исчезнет с горизонта, и ресурсы государственного казначейства будут употреблены на действительные народные нужды.

Исходя из этих взглядов, меньшевики приходят к убеждению, что социал-демократы должны не только не выступать против войны, но всеми доступными средствами помогать благополучному для России завершению войны и действовать так, чтобы Германия была действительно поражена. Далее, так как у социал-демократов исполнительный орган в лице думской социал-демократической фракции, то необходимо обратиться к фракции и, потребовав от нее безусловного объединения большевиков и меньшевиков, выработать декларацию от имени думской социал-демократической фракции как выразительницы всей Российской социал-демократической рабочей партии...».

Правительство умело пользовалось агитацией меньшевиков, опутывая рабочих. В патриотических манифестациях в первые дни войны можно было видеть и рабочих, однако первые поражения на фронтах, многочисленные партии раненых и письма запасных скоро раскрыли рабочим глаза на действительные причины войны, и они перестали слушать меньшевиков. Агенты охранного отделения были вынуждены сообщать начальству

неприятные вещи: провокатор Леонов («Зоя») в своем донесении охранке пишет:

«Рабочий фабрики Ралле выразил надежду, что война приведет к революции, так как солдатам все равно, где умирать, и идея войны им чужда, а революция близка».

«Служащий почтово-телеграфной конторы, идущий завтра на действительную службу, сказал: «Пусть только запасные получат оружие. Они сейчас же поднимут восстание».

В группах манифестантов разговоры: «Что ж, пусть приучаются сейчас с разрешения полиции, а потом против нее пойдут», «Эх, как бы догадался кто бомбочку бросить — перестали бы кричать «ура».

«Вчера в громадной толпе, идущей от памятника Скобелева к Страстной площади, небольшая группа рабочих запела известную революционную песню: «Смело, товарищи, в ногу»... Многие упорно не снимают шапок».

Разгром нашей партийной организации, измена меньшевиков делу рабочего класса привели к тому, что большевики не могли сразу вызвать революционно настроенных рабочих на открытые выступления. Но рабочим были разъяснены истинные причины войны, они стали смотреть критически на патриотические манифестации и насаждение великодержавного шовинизма и постепенно отходили от меньшевиков.

Снова за работу

В городе для меня открывалось широкое поле деятельности. Необходимо было разоблачать истинную природу меньшевиков и фразеров из ка-

детского лагеря. Надо было укрепить противовоенные настроения среди рабочих и подготовлять массы к превращению войны империалистической в войну гражданскую. Мне после описанного провала оставаться в Москве было опасно, но из Москвы уезжать я не хотел — ведь это было бы бегством от революционной работы.

Между тем временная квартира перестала служить мне убежищем. Ремонт закончился, студенты съехались, столовая начала функционировать, и дальше оставаться там я не мог. Мне нельзя было даже показываться там, так как среди студентов полиция имела своих людей. Надо было подумать, что предпринимать дальше. Скитаться по знакомым было опасно для меня и для них. Надо было на что-то решиться.

Приехавший из ссылки Ян Янович Грунт поселился нелегально в районе Петровско-Разумовского. Я поехал его навестить и узнал, что дачи, расположенные за парком Сельскохозяйственной академии, находятся уже вне городской черты и относятся к Московскому уезду.

Тов. Грунт сказал мне, что уездный пристав слабо связан с городской жандармерией и что вероятно удастся прописать здесь людей, политически неблагонадежных. Если городская жандармерия решила, что я после провала должен буду покинуть город, как это обычно делалось из осторожности, то уездная полиция могла вообще обо мне не знать, и надо было попытаться прописаться в уезде.

Решено. Я даю Грунту свой паспорт для прописки. Придется подождать недели две-три. Но прописать совершенно отсутствующего человека невозможно, поэтому мне придется рискнуть и переночевать несколько дней в квартире Грун-

та, который представит меня как знакомого студента, желающего поселиться вместе с ним.

Прожив несколько дней, я сказал хозяину, что еду за своими вещами и вернусь через неделю. Этим было устранено всякое подозрение. Опять я вынужден был скитаться по знакомым. Но вот наконец мой паспорт прописан, и я поселился в летней даче гражданина Овчинникова.

Итак, я полноправный гражданин, могу выбрать себе работу, могу существовать без посторонней помощи. Однако пока не изменится моя внешность, я должен избегать посещения центральных районов Москвы и уже ни в коем случае не показываться в университете.

В то же время мне нельзя навлечь на себя подозрений владельца дачи, я должен как-то оправдать свое отшельничество и свое существование. Поэтому я выдаю себя за студента Сельскохозяйственной академии, чему помогает сохранившаяся форма землемера. Я «усердно» готовлюсь к экзамену, сижу за книгами, завоевывая репутацию прилежного студента. С хозяином поддерживаю дружеские отношения. Он доволен тем, что квартирная плата вносится ему аккуратно.

Проходит неделя, две. По вечерам предпринимаю вылазки в город, однако эти вылазки опасны, и я предпочитаю ограничить район своей деятельности Петровско-Разумовским, Всехсвятским и Бутырским районом.

С университетом я должен совершенно порвать. Там очень неспокойно. Революционно настроенное студенчество 10 сентября во время лекции профессора Вышеславцева устроило обструкцию. Помимо этого, в ответ на манифестацию патриотически настроенной части студенчества, по-

славшей царю верноподданическую телеграмму, шанявцы выпустили следующий листок:

«Группа социалистически настроенной молодежи, не желая принять на свой счет высочайшей благодарности за любовь и преданность, считает необходимым заявить, что она остается верной демократическим идеалам и просит не смешивать ее с теми элементами студенчества, которые в манифестации 9 и 10 сентября выразили свои верноподданнические чувства».

В ответ на это охранка усилила наблюдение, участились аресты учащейся молодежи. Дорога к университету была для меня отрезана, но ведь главное в том, что я на свободе, связь с партийными товарищами сохранена, и я смогу быть полезным нашей большевистской организации.

Мы еще поработаем!

Массовки в Богородском лесу

В августе 1914 г. в Москву снова съехались почти все партийцы. Значительно вырос наш актив, укрепились связи с районами, и мы шире развернули нашу работу. Но новые товарищи привезли с собой и новые настроения. Единодушный ранее взгляд на войну был поколеблен. Кое-кто договаривался до обороны, некоторые стали поговаривать о том, что нам не нужны ни победа, ни поражение, что для нас все равно, кто победит. Мы, большевики, выбросили лозунг «Война войне», но этого было недостаточно. Основная рабочая масса хотела знать, что же делать дальше. Бывали случаи, когда и члены партии становились втупик. Надо было рассеять всякие сомнения, укрепить антивоенные настроения и подковать рядовых подпольщиков.

С этой целью мы стали организовывать массовки в лесу, за селом Богородским. Этот лес был удобен тем, что к нему можно было подъезжать с разных сторон — через Преображенскую заставу, через Сокольники и через село Богородское.

Особенно памятна одна массовка, организованная в конце августа, на которой присутствовало до 50 человек партийцев. С докладом о войне выступил Бирзгал. Не помню точно формулировок т. Бирзгала, но его взгляды не соответствовали установкам В. И. Ленина. Разгорелся отчаянный спор. Я в своем содокладе тоже допустил ошибку, не договаривая и утверждая: «Нам не важно, кто победит». Прения затянулись до утра. Те, кто спешил на работу, разошлись к 7 часам утра, остальные продолжали дебатировать и только к обеду вернулись в город. После этой массовки произошел перелом в нашей работе. Мы отбросили всякое философствование и горячо взялись за дело. Все же кое-кто отошел от нас. В их числе был и Каупинь, сначала перешедший на легальную работу среди беженцев, а потом перекочевавший к меньшевикам. Впоследствии он остался в белой Латвии.

Массовки созывались нами примерно раз в неделю. Мы их организовывали до глубокой осени, когда выезды за город пришлось из-за слякоти прекратить. Массовки проводились так организованно, что ни одна из них не была сорвана полицией. Объясняется это тем, что мы принесли в Москву долголетний опыт работы рижской организации. Чтобы добраться до места массовки, надо было пройти два-три патрульных пункта. На первом пункте патрульный, получив верный пароль, давал верное направление к следующему посту. Этот последующий пост снова направлял к

месту массовки. Нередко собравшиеся подпольщики снимались с назначенного места и переходили в другое, более безопасное место. При такой системе случайно проникшему шпику трудно было добраться до места массовки. По опыту рижской практики мы не раз арестовывали шпиков и вообще подозрительных людей, подходивших к месту массовки. Мы их обычно держали до окончания массовки, лишая возможности сообщить о нашем собрании полиции. Нередко приходилось задерживать просто обывателей, пришедших в лес по грибы или по ягоды. Если на массовке не обсуждались секретные организационные вопросы, то пленников держали на таком расстоянии, чтобы они могли слышать доклад, но не видеть лиц присутствовавших. Наше влияние среди масс росло.

Мы не сдадимся

В ответ на открытые выступления революционно настроенных студентов университета Шанявского против лекций шовинистически настроенного профессора Вышеславцева жандармерия произвела среди студентов массовые аресты. Были арестованы большевики Петр Цельмин, Ян Рутман, Илья Цивцивадзе, Монастырский и Китмиридис. Их продержали в заключении больше трех месяцев, но за неимением улик часть из них была выпущена на свободу и оставлена в Москве. Эти аресты подрывали нашу работу. Мы лишились не только активных работников, но была прервана связь с другими партийными группами. Так на время прервалась наша связь с большевистской группой портных и нарушилась связь с партийной группой Центросоюза. Кроме того аресты понизи-

ли активность многих товарищей, оставшихся на свободе. Опасаясь репрессий, они стали прятаться по чужим квартирам, и на время были замедлены темпы их работы.

Еще так недавно, в конце августа 1914 г., в массовках принимали участие до 50 преданных партии товарищей, а теперь уцелевших можно было сосчитать по пальцам.

Но наш большевистский кружок в Преображенке уцелел почти полностью. Здесь в больнице для душевнобольных работали сестрами старые подпольщицы Прибалтийского края — Марта Берзин, Антонина Берзин, Марта Лепинь, Анна Шмидт, Мария Шмидт и др. Этот кружок вел активную работу среди служащих больницы. Мы очень часто пользовались помещением больницы для устройства там своих собраний и хранения нелегальных материалов. Вывеска — больница для душевнобольных — была хорошей маскировкой.

Аресты в университете указывали на несомненное нахождение провокаторов среди организованного студенчества. Так как латышские большевики в большинстве случаев знали друг друга еще по работе в Прибалтийском крае, то трудно было предположить, что провокатор обретается в их среде. Больше оснований было думать, что провокатор скрывается в русских кружках. Однако случай с провокаторами в северной группе показал, что мы ошибались, рассуждая таким образом.

Латыши выделились в два самостоятельных кружка — преображенский и кружок студентов при университете Шанявского. Как исключение, в латышский кружок входили большевики других национальностей; это были: Илья Цивцивадзе, Пылаев, Богоявленский и кто-то из железнодорожников.

Латышский кружок при университете Шанявского в 1914/15 г. выделил из своей среды высший теоретический кружок, который готовил партийных профессионалов, пропагандистов.

Мы усиленно собирали наши распыленные реакцией силы. В центре города Василий Васильевич Сахаров сколачивал партийную большевистскую группу. В этой группе работали товарищи Шкирятов, Маша Черняк, Сара Бродская, П. Сахарова, Нина Агажанова и др.

С приездом в Москву товарища Меницкого им была организована пресненская группа, правда, немногочисленная. С этой группой поддерживал связь товарищ Цельмин.

На одном из заседаний нашей группы товарищ Цивцивадзе доложил о существовании небольшого партийного кружка, организованного им из рабочих и служащих Центросоюза.

Партийный кружок был и у портных. В нем работали товарищ Андреев, сестры Выдрины, Токарев, Бирюков и др. Связь с этим кружком поддерживал товарищ Цельмин, а потом и я.

В Коммерческом институте после ухода товарища Мерина мы установили связь с товарищами Фокиным и Мышкиным, которые сумели создать в институте значительную партийную группу.

К зиме была установлена связь с группой литераторов, из которой мы знали тогда лишь товарищей Петра Гермогеновича Смидовича, Яхонтова, Кизельштейна. С другими работавшими в то время в Москве большевистскими партийными группами у нас организационной связи не было, однако мы знали по встречам на загородных экскурсиях и по выступлениям рабочих на заводах, что в Москве работает множество большевистских групп. Плохо было только то, что эти больше-

вистские группы почти не имели связи между собой и в большинстве случаев работали изолированно одна от другой.

Мы давно думали об организации Московского городского комитета, который объединил бы работу всех партийных групп, однако не решались брать на себя инициативу созыва городской конференции. В 1914/15 г. этого сделать не удалось.

Временное затишье

С наступлением зимы пришлось прекратить массовки. В городе мы не располагали таким помещением, которое позволило бы собрать больше 15—20 человек, да и собираться было опасно, пока бушевавшая охранка не успокоится.

Работали только отдельные кружки на Преображенке, в Петровско-Разумовском и при университете Шанявского.

В районе Петровско-Разумовского вместе со мной работали Ян Янович Грунт, его жена, железнодорожник Андрей и, кажется, т. Шефлер, с которым поддерживал связь т. Грунт. Через т. Грунта установилась у нас связь с фабрикой Иокиш, а также со студентами Сельскохозяйственной академии.

В город я выезжал очень редко, боясь попасть на глаза шпикам. Мои поездки ограничивались посещением высшего теоретического кружка и отдельных партийцев. Все это очень угнетало, и я начал тяготиться своим «дачным бездельем». Ян Янович Грунт переехал на другую квартиру, и я остался зимовать один в летней даче, где буквально замерзал. Наконец домовладелец сжалился надо мной и после смерти своей

бабушки предоставил мне четырехметровую комнату в своей зимней даче.

Изредка ко мне из города приезжали товарищи и сообщали партийные новости.

В январе 1915 г., после приезда в Москву из Петрограда присяжного поверенного Соколова, состоялось совещание партийной интеллигенции разных политических направлений, вплоть до Кусковой и Прокоповича. На этом совещании был поставлен вопрос об отношении к войне. Но собрание, где присутствовали лица с разными убеждениями, не могло дать и не дало положительных результатов. Поговорили и разъехались, оставшись каждый при своем мнении. Присутствовавшие на этом совещании московские большевики — Петр Гермогенович Смидович, Иван Иванович Скворцов и Владимир Павлович Милютин твердо отстаивали большевистскую точку зрения, но остались в меньшинстве.

На том же совещании обсуждался вопрос об отношении к меньшевистской фракции Государственной думы. После ареста большевистской фракции Государственной думы фракция меньшевиков претендовала на представительство всей социал-демократии. Меньшевики могли бы стать выразителями идей революционной социал-демократии лишь в том случае, если бы действительно отстаивали требования большевистски настроенных рабочих масс. Но от своей природы не уйдешь. Меньшевики до конца остались верны мелкобуржуазной идеологии.

Большевистская часть совещания приняла резолюцию, которая требовала от меньшевиков не слов, а дела, доказывающего, что они не с буржуазией, а с рабочими.

Кампания протеста против суда над больше-

вистскими депутатами началась в Москве в феврале 1915 г. Рабочие обсуждали вопрос о предстоящем суде над членами большевистской фракции Государственной думы, арестованными в Озерках, под Петроградом, по доносу провокатора Романова. Наша большевистская группа в Коммерческом институте выпустила листовку против суда над депутатами. Напуганная широкой волной протеста в Петрограде, жандармерия, ожидая значительных волнений в Москве, старалась очистить город от всех политически неблагонадежных.

В Москве ограничились только обсуждением вопроса о суде над депутатами на заводских собраниях.

Обстановка складывалась так, что нельзя было к годовщине расстрела ленских рабочих организовать массовые уличные демонстрации. Лефортовская партийная группа выпустила листовку и провела ряд собраний на заводах. Наша латышская большевистская группа созвала в этот день расширенное собрание, посвященное ленским событиям.

Приближалась весна, наступал день 1 Мая. Мы концентрировали свои силы, готовясь к предстоящим боям.

Организация Тверской группы РСДРП

Необходимо было развертывать подпольную работу. Нельзя было вариться только в собственном соку, нельзя было ограничиться работой теоретического кружка и обсуждением текущих вопросов на общих собраниях. Надо было вынести нашу работу в рабочие районы.

Приближалось 1 Мая — революционный празд-

ник трудящихся всего мира. На предложение широко развернуть подпольную работу в день 1 Мая меньшевистские подголоски ответили протестом. Когда мы решили выпустить и распространить к 1 Мая листовку, а также развесить красные знамена по улицам города, т. Бирзгал сказал:

«Повести в Москве в настоящее время активную работу — все равно, что пытаться оросить пустыню Сахару».

Стало ясно, что пути наши разошлись, мы даже не решались в присутствии этих чуждых нам людей обсуждать мероприятия по проведению 1 Мая. Вопрос о встрече 1 Мая был снят с обсуждения и собрание распущено.

Через несколько дней собрались крепкие, проверенные большевики. Это собрание решило оформиться организационно, образовав новую партийную группу большевиков. Однако было решено допускать на собрания и меньшевиков, но с тем, что на этих собраниях будут обсуждаться только вопросы второстепенного значения. Это необходимо было делать для отвода глаз, для маскировки нашей предстоящей работы.

Это организационное собрание положило начало «тверской группе РСДРП». На первых порах мы затруднялись подыскать название для группы. Вопрос об этом решили отложить до следующего собрания.

В комитет группы вошли Элла Крастынь (Мулап), Эдуард Берзин (Бланк) и я (Дядя). До 1 мая группа именовала себя просто партийной группой, и только после 1 мая группа стала называться «тверской группой РСДРП». Это название было дано потому, что основное ядро группы жило в районе Тверской-Ямской.

В первое время группа состояла из трех круж-

ков: преображенского, петровско-разумовского и шанявского, и насчитывала до 30 человек организованных большевиков. Потом, к лету 1915 г., группа сильно выросла, в нее влился кружок железнодорожных рабочих, организованный т. Грунт, и в него вошли отдельные товарищи рабочие — Берзин, Шатохин и др. К этому времени в группе состояло до 60 человек организованных членов, большинство из которых были старые партийцы. Тверская группа в основном состояла из латышских товарищей, но она отнюдь не была ограниченной национальной организацией, как об этом писала жандармерия. Среди членов группы были и русские, и грузины, и евреи. Тверская группа выросла и окрепла в борьбе с оппортунистическими элементами. О ее основной работе будет сказано в последующих главах.

В поисках правильного пути

Проводившие большую агитационную работу московские большевики встретили войну лозунгом революционной социал-демократии — «Война войне». Но недостаточно было выступать с общими фразами против войны, надо было дать пролетариату исчерпывающую программу действий. У каждого рядового партийца ежедневно возникали сотни вопросов, которые в основном сводились к одному: что делать? На эти вопросы мы старались в выпускаемых листовках дать ясные, исчерпывающие ответы. Однако не раз нас охватывало сомнение в правильности взятого курса, хотелось спросить совета Центрального комитета и вождя—В. И. Ленина, но они были далеко и указания их доходили не скоро. Приходилось работать самостоятельно.

Так помню случай, когда мы, работники тверской группы, Берзин, Крастынь и я, написав листовку «Что делать?», решили дать ее на редакцию уцелевшим теоретикам из литературной группы. Связь с ними мы имели через товарищей Кизельштейна и Гульбиса. Тов. Кизельштейн проносил наш проект листовки в кармане больше двух недель, не отыскав человека, который взял бы на себя ответственность редактировать ее.

Такие же результаты были при попытке передать через товарища Гульбиса на редактирование материал большевику-интеллигенту Борису. В конце концов пришлось выпустить листовку самим.

В таком положении была не только Тверская группа, но и другие большевистские группы (группа Цивцивадзе), не имевшие в своей среде теоретически крепко подкованных людей.

Поэтому тем более жадно мы ловили каждое слово, которое доходило до нас от В. И. Ленина.

До меня лично первые директивы ЦК и статьи Ленина о войне дошли только весной 1915 г.

«Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до с.-р. (социалистов-революционеров.—Л.) и «правых» с.-д. В особенности обязательно заклеймить шовинистские выступления, напр., Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью.

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но

для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии»[1]

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму»[2].

Или еще:

«Революция во время войны есть гражданская война, а п р е в р а щ е н и е войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, — н е в о з м о ж н о

---

[1] Л е н и н, т. XVIII, стр. 65, изд. 2-е. Подчеркнуто нами.—Ред.
[2] Т а м ж е, стр. 66, изд. 2-е. Подчеркнуто нами.—Ред.

на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»[1].

«Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика **использования** пролетариатом **затруднений** своего правительства и своей буржуазии **для их низвержения.** А этого нельзя достигнуть, к этому **нельзя стремиться,** не желая поражения своему правительству не содействуя такому поражению»[2].

Эти четкие установки положили конец колебаниям отдельных товарищей. Малодушные и соглашатели отошли в сторону, а активные московские большевики энергично продолжали начатую работу по превращению войны империалистической в войну гражданскую.

Начиная с лета 1915 г., с приездом т. Молотова и других представителей ЦК и с организацией Московского областного бюро, связь с ЦК наладилась. Московские партийные группы стали регулярно получать директивы ЦК и партийную литературу, и это помогло обеспечить правильную политическую линию и определило успех подготовки к революции.

Продовольственные бунты

Последствия войны сказались на работе транспорта. Все продовольственные запасы были перекинуты на фронт, и снабжение городского населения значительно ухудшилось.

Цены на продовольствие росли с каждым днем, а реальная заработная плата рабочего

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 170, изд. 2-е. Подчеркнуто нами.— Ред.

[2] Там же, стр. 172, изд. 2-е.

сильно снижалась. Особенно пострадали многосемейные и те, у кого всех работавших в семье забрали на войну. Наши большевистские агитаторы использовали эти продовольственные затруднения, вскрывая подлую систему буржуазии и царского правительства, систему эксплоатации и подавления рабочих масс.

В апреле на почве все более растущей дороговизны в городе начались беспорядки. Так на Преображенском рынке, в районе деятельности нашей партийной группы, рабочие, возмущенные неслыханной спекуляцией, стали громить булочные и мясные лавки. Местная полиция не могла справиться с бушующей толпой. Было вызвано подкрепление. Прибыли помощник градоначальника полковник Модль и полицмейстер третьего отделения Золотарев. Когда Модль в резкой форме обратился к толпе, одна из женщин ударила его камнем. Это было первым сигналом. Толпа, вытолкнув Модля из автомобиля, стала наносить побои и потащила к реке топить. Смертельно напуганный Модль стал умолять толпу: «Простите, братцы, ведь я вам ничего плохого не сделал. Пощадите, я отец семейства». Были ранены и Золотарев и надзиратель Вайцнер. На помощь были вызваны войска. Однако женщины не струсили, они подошли вплотную к солдатам и стали агитировать: «Товарищи, и у вас есть жены, им живется не лучше, чем нам. Вас заставляют стрелять в нас, а там других солдат заставляют стрелять в ваших жен». Среди солдат началось смятенье. С большим трудом полиции удалось освободить помощника градоначальника.

Такие же беспорядки, вызванные дороговизной, происходили на Пресне, в Грузинах и в Сивцевом-Вражке. На Пресне у булочной Ворон-

цова выросла огромная толпа. В полицию бросали камни, но все же ей удалось разогнать толпу и арестовать двадцать человек.

Все эти события свидетельствовали о том, что у населения истощилось терпение и выветрился наносный патриотизм. Даже политически отсталый обыватель стал высказывать недовольство.

Незадолго до этого возникшая пресненская группа и та опередила нас и отозвалась на продовольственные беспорядки выпуском специальной листовки. Мы, работники Тверской группы, увидев, что растут революционные настроения, стали усиленно готовиться к действию.

1 Мая 1915 г.

Массовые волнения и активность ряда большевистских групп вызвали в полиции сильное беспокойство. Приближалось 1 Мая, и полиция, опасаясь организованного выступления рабочих, предприняла серьезную чистку Москвы от революционных элементов. Охранка широко развернула провокационную работу. Так по доносу был закрыт рабочий клуб на 4-й Самотечной улице, где должно было состояться собрание, посвященное встрече 1 Мая. Были арестованы наиболее активные работники клуба: Дерешев, Журавлев и Петраков. Полицией были запрещены собрания металлистов и портных в клубе «Образование».

Производились обыски среди студентов Коммерческого института.

За подготовку к 1 Мая было выслано из Москвы много большевиков. В Тверской группе провокаторов не было, и всю первомайскую подготовку удалось скрыть от полиции.

Охранное отделение имело следующую директиву от департамента полиции:

«Ввиду исключительных условий переживаемого ныне момента и особой необходимости поддержать в текущем году полное спокойствие внутри государства, принять самые решительные меры к недопущению в день 1 Мая каких бы то ни было беспорядков на местах».

В развитие этой директивы была издана специальная инструкция, в которой градоначальник Москвы обязал полицию организовать в одиннадцати местах засаду и в тридцати местах секретное наблюдение.

Несмотря на все эти меры предосторожности, рабочая Москва все же праздновала 1 Мая. К этому дню были выпущены две листовки. Одна листовка была выпущена лефортовской организационной группой социал-демократов, в которой в это время работал приехавший из Ленинграда т. Молотов, и вторая листовка была выпущена нами за подписью «Московская группа РСДРП» (подписываться как Тверская группа мы стали лишь после 1 Мая).

Привожу выдержки из листовки, выпущенной лефортовской группой.

«В день 1 Мая организованный пролетариат всего мира громко заявляет, что рабочий класс во всех странах идет к одной цели — к социальной революции, идет одними и теми же путями, накопляя в повседневной борьбе силы и средства для борьбы за социализм. Классовая борьба в каждом государстве — часть общей классовой борьбы. Одни цели, одна воля, одно красное знамя, одна интернациональная песнь.

Товарищи, вся текущая жизнь готовит силы для предстоящей гражданской войны. Наша за-

дача — связать, объединить эти силы. Для этого мы должны восстановить организацию Российской социал-демократической партии».

Текст листовки Тверской группы был таков:

«Товарищи, 1 Мая, праздник труда, в этом году выпал при исключительно тяжелых обстоятельствах. Международный пролетариат, вопреки своему желанию, вовлечен в кровавую резню, устроенную правящей буржуазией. Тяжелое положение российского пролетариата стало еще безвыходнее, его ряды во время войны поредели. Тысячи безработных выброшены на улицу и вместе с семействами запасных оставлены на произвол судьбы, предоставлены голодной смерти.

В эту трудную минуту, во всеобщий праздник международного пролетариата, мы громче прежнего должны провозгласить свои старые, но вечно новые лозунги. Пусть услышит их зарвавшаяся буржуазия, пусть узнает, что российский пролетариат не изменил, а остался верен своим старым принципам, своей борьбе и лозунгу. Пусть узнает царская монархия, что в лице пролетариата она всегда встретит только своего заклятого врага, что его рука не протянется для поддержки и укрепления царских устоев.

Довольно братской крови!

Долой войну!

Долой царскую монархию!

Да здравствует мир! Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует демократическая республика!»

Активнее всех работала Тверская группа. Мы отпечатали на гектографе текст листовки и приготовили двенадцать знамен. Вся эта работа проводилась в квартире т. Грунта, который в то время проживал под фамилией Тимошенко. Работа-

ли мы втроем: Грунт, его жена и я. К закупке красной материи были привлечены тт. Крастынь и Марта Берзин. Соблюдая конспирацию, мы не привлекали к этой работе других товарищей.

Массу для гектографа приготовлял я, вспоминая рецепты, применявшиеся когда-то в Прибалтийском крае. Глицерин и желатин, эти основные составные части массы, мы покупали, соблюдая все предосторожности, в разных аптеках. Так же по частям покупался красный ситец для знамен. Надписи на знаменах мы делали сами золотистой бронзой.

После нашего «художества» пришлось долго скрести деревянный пол, так как сквозь ситец на полу получились отпечатки революционных лозунгов. Вся работа по печатанию листовок и приготовлению знамен заняла две ночи.

Так как предстояло распространить две тысячи листовок и развесить двенадцать красных знамен, то пришлось привлечь к этому делу человек восемнадцать — весь основной актив группы. Это были: Наталья Страутман (теперь Тилле), Марта Берзин, Эдуард Берзин, Петр Цельмин, Антонина Берзин, Ян Рутман, Марта Лепинь, Анна Шмидт, Меднис, Силис, Эмма Берзин и др.

Город был разбит на участки. К каждому участку были прикреплены определенные товарищи. Для такого большого города, как Москва, сил у нас было немного, поэтому четкость работы предрешала успех.

В ночь на 1 Мая мы все были на своих местах. К утру все, что было намечено по плану, было сделано. Из-за преследования полиции не удалось вывесить только одно знамя. Вывесить его должен был товарищ Цельмин, который не то по

близорукости, не то по оплошности подпустил близко к себе шпиков и должен был бежать в Фили, где под елью в корнях спрятал оставшееся красное знамя. На следующий день дровосеки нашли припрятанное знамя. Мы долго потом изводили товарища Цельмина: «Как же ты умудрился повесить знамя на подземном конце дерева».

Группа, в которой работал я, обслужила весь Бутырский район, Петровско-Разумовское и район Петроградского шоссе. Мы за ночь вывесили четыре знамени, причем одно из них почти на глазах у городовых.

Дело было так. Грунт полез на дерево со знаменем, а я с Мартой Берзин пошел к городовым, которые вместе с ночными сторожами мирно беседовали на перекрестке у фабричной конторы Брокар и К°. В это время т. Страутман караулила внизу в переулке. Я с Мартой должны были отвлечь внимание городовых от переулка, где т. Грунт взбирался на дерево. Изображая влюбленную парочу, мы подошли вплотную к городовым и, болтая на разные темы, заговорили о том, что благодаря бдительности полиции ночь перед 1 Мая проходит спокойно. Польщенные этой похвалой, городовые начали рассказывать о своих подвигах. Обрадовавшись случаю скоротать время с болтливой парочкой, они так увлеклись разговорами, что нам трудно было от них отделаться. Уже давно Грунт кашляя подавал нам условный знак, что все сделано, а мы никак не могли уйти. Озорничая, мы обклеили листовками окна конторы и воображали, как удивятся городовые, обнаружив у себя под носом красное знамя и листовки.

Чтобы скрыть банку с клейстером, кисть, листовки и знамена, мы, мужчины, были в черных

накидках. У нас был вид праздношатающихся легкомысленных парней. Удача вскружила нам головы, и мы потеряли всякую осторожность. Приближалось утро, а нам еще надо было распространить немало листовок. Тов. Грунт, вспоминая, как он в Латвии веером бросал листовки в воздух, решил нам это продемонстрировать. Когда он на перекрестке швырнул листовки в воздух, одна из них попала в лицо городовому. Поднялся свист, крик, сбежались ночные сторожа и началась погоня за нами. После долгих мытарств нам все же удалось скрыться в лесах Сельскохозяйственной академии. За нами увязалась собака, и мы сначала испугались, думая, что это может быть ищейка, но потом, убедившись, что это обычная заблудившаяся овчарка, мы повели ее с собой. Передохнув и оправившись от испуга, мы уже после восхода солнца вывесили последнее знамя у Чугунолитейного завода на Петроградском шоссе и расклеили оставшиеся листовки на станции Подмосковной. Мы старались работать осторожно, дорожа каждым листком, приклеивали его на видном месте, но молодость всегда пренебрегает излишней осторожностью, и часто мы шли на риск. Мокрые от росы, усталые, мы лесом пошли по домам и, не успев выспаться, поспешили на массовку в парк Сельскохозяйственной академии.

Массовка была замаскирована играми, хороводами и песнями. Здесь собралось свыше ста человек. Был сделан обстоятельный доклад о значении интернационального рабочего праздника и заострены все вопросы, связанные с империалистической войной.

После общей массовки актив Тверской группы устроил в глухом уголке парка свое заседание.

В этот день наша группа получила боевое крещение и четко оформилась как Тверская группа РСДРП. Последующие воззвания и выступления производились уже от имени этой группы.

Организация подпольной типографии

В начале империалистической войны все выпускавшиеся в Москве листовки печатались на гектографе. Это было крайне неудобно, так как размер и тираж воззваний могли быть очень ограниченными. Кроме того текст листовок, печатающихся на гектографе, получался не четким, смазанным, что значительно уменьшало их ценность, и опытные эксперты охранки всегда смогли бы установить по почерку, кто писал листовку.

Я давно задумывался над тем, как организовать типографию, чтобы избежать провала и наладить регулярную работу. Вначале я думал привлечь к этому кружок печатников, с которым Тверская группа уже имела связь. Я рассчитывал, что через печатников-большевиков удастся получить все необходимое для типографии, но оказалось, что рассчитывать на это нельзя, так как все печатники-большевики были на подозрении у администрации типографии и не решались выносить шрифт.

Ничего другого не оставалось, как взяться за это дело самому и собирать шрифт по частям. Серьезно продумав возможность существования подпольной типографии в условиях военного времени, я решил, что в целях конспирации должен всю работу исполнять один. Прежний подпольный опыт научил меня, что секретов не следует доверять даже самым близким товарищам.

Чем больше народа вокруг секретного дела, тем больше возможностей мы дадим охранке проследить нас.

За организацию подпольной типографии в военное время присуждалась каторга от 4 до 8 лет. Это особенно обязывало меня соблюдать полнейшую конспирацию — уж если провал, так пусть попадусь я один. Кроме того провал типографии нанес бы тяжелый удар партийной организации, а организовать вторую типографию — дело трудное и долгое.

Соблюдая конспирацию, я должен был порвать с внешним миром, отказаться от посещения массовок, кружков, знакомых, университета, экскурсий и т. д. Это повлекло бы за собой полный отрыв от партийной работы, а в глазах партийцев, не знающих причин моего отхода, я стал бы ликвидатором. Но я этого не побоялся и пошел на такое тяжелое для меня положение.

Я прекратил посещение массовок, отказался от встреч со знакомыми, поддерживая связь только с четырьмя товарищами, которые могли быть мне полезными.

Этими товарищами были Наталья Страутман, работавшая в типографии, Элла Крастынь, имевшая связь с русскими большевиками-интеллигентами, Илья Цивцивадзе, через которого я надеялся получать краску, и т. Грунт. Тов. Грунт заведывал в то время потребительской лавкой студентов Сельскохозяйственной академии и располагал бумагой, которая была необходима для издания листовок. Кроме того я рассчитывал, что он сможет прятать нашу нелегальщину в складах и подвалах академии. Я сказал товарищам, что имею связь с русскими большевиками, предлагающими печатать наши листовки в их типографии, и вы-

звался быть передаточным звеном. Далее я заявил, что эта типография сможет выполнить наш заказ лишь при том условии, если получит необходимое количество шрифта. Этому поверили. Я обратился к Наталии Страутман и просил ее вынести нужный мне шрифт из типографии. Она дала согласие, но предупредила, что это дело кропотливое, опасное и что потребуется значительное время. Это вынудило меня обратиться с той же просьбой к т. Цивцивадзе, который как-то мне рассказал, что он узнал о зарытой одним партийным кружком типографии. Тов. Страутман исполняла поручение очень аккуратно. Два раза в неделю она мне выносила из типографии Левенсона коробку из-под шоколада набитую шрифтом, но у Ильи Цивцивадзе с розыском зарытой типографии дело не ладилось. За ним была установлена слежка, и он должен был соблюдать осторожность. Вместо обещанной типографии он передал мне лишь одну заржавевшую верстатку.

Вскоре т. Грунт сообщил, что на одном из островов пруда Сельскохозяйственной академии когда-то и кем-то была зарыта подпольная типография. Ему об этом передавали студенты академии. Мы сейчас же решили приняться за розыски. Отыскать зарытую типографию, не имея определенных указаний, было очень трудно. Мы вооружились железными прутами для прощупывания почвы, так как брать с собой лопаты было рискованно. Не раз нам уже казалось, что мы наталкиваемся на зарытую типографию, но кроме старого железа и камней мы ничего не обнаружили. Ничего другого не оставалось, как вооружиться терпением и дожидаться, пока товарищ Страутман не натаскает необходимого количества шрифта.

Шрифт и верстатки я наконец собрал, но типографского станка получить не удалось. В наших условиях обычный типографский станок, даже «американка», не годился, так как на моей даче нельзя было установить станок, производящий шум. Пришлось придумывать станок особой конструкции, состоящий из деревянной рамы для включения шрифта, двух валиков и стеклянной доски для раскатывания краски. Заказать все это на стороне было опасно, поэтому за изготовление всех необходимых частей станка взялся я сам.

Раму для включения шрифта я сделал из фанерных конфетных ящиков, взятых в столовой Сельскохозяйственной академии. Валики для нанесения краски и оттиска я приготовил из деревянных скалок, которыми домашние хозяйки прокатывают тесто. Нужно было эти скалки обмотать ситцем, и они прекрасно заменят мастиковые валики. Раму я сделал разборную: на дно рамы вставлялось зеркало, которое обычно после работы висело на стене. Кассу для шрифта я также сделал сам из фанерных досок по чертежу товарища Страутман. Все это было очень упрощенно и напоминало станок для корректурных оттисков, но в наших условиях и это было большим достижением, а в дальнейшем я надеялся на улучшение и расширение нашей примитивной типографии.

Жил я в мезонине летней дачи за парком Сельскохозяйственной академии. Владельцем дачи был гражданин Овчинников, являвшийся одновременно содержателем чайной. Стены моей комнаты были так тонки, что за ними слышалось перелистывание книг. Организация подпольной ти-

пографии в таком помещении была сумасбродством.

Однако другого выхода не было. Да и кому могла притти в голову мысль, что в этом мезонине, который был звучен, как скрипка, решатся организовывать подпольную типографию. Но именно в этом был залог успеха и страховка от провала. Важно было установить хорошие отношения с дачевладельцем и зарекомендовать себя усидчивым и патриотически настроенным студентом. Этого добиться было не трудно.

К организации типографии я приступил в конце апреля, и уже к концу мая она была готова. Теперь я мог обратиться к Тверской группе с предложением принять типографскую работу.

Но самое трудное оказалось впереди. Я не знал техники типографского дела; пришлось учиться самому на основании описаний и разговоров. В результате первый набор получился у меня по-еврейски — справа налево. Но этим не кончились мои злоключения. Желая избежать шума, я раму разместил на кровати. Малейший толчок — и шрифт рассыпался.

С набором первой небольшой листовки я промучился два дня, но все же одолел и эту премудрость. Неудача постигла меня при печатании. Оттиски получились очень неровные, а некоторые места оказались слепыми. Я обнаружил, что деревянное дно рамы было неровным. Вместо него пришлось поместить зеркало. Это требовало передвижки рам в ширину и высоту, но и это я преодолел и через два дня передавал товарищам первые отпечатанные листовки. Типография во время работы имела следующий вид: в середине комнаты на полу было разостлано одеяло, на одеяле стол. Этот стол был накрыт сложенным вчет-

веро другим одеялом, а над всем этим сооружением была поставлена рама с набором. Слева от рамы, на специальном столике, находилась подставка для валика с краской, а справа помещался валик для накатывания бумаги. Рядом со столиком—стул с бумагой и стул для готовых листовок. Одеяло на полу и одеяло под рамой заглушали шум при прокатывании. В случае тревоги рама с шрифтом немедленно закутывалась в одеяло и пряталась под кровать.

Все было чрезвычайно просто и удобно. За стеной был слышен только шелест бумаги и редкие толчки валика об раму. Чтобы отвести подозрение, я стал переплетать свои книги, всем сообщая об этом. Во время работы окно завешивалось кавказской буркой. Запасной шрифт, краска и прочие принадлежности хранились зарытыми в песке тут же, на чердаке. Вход на чердак был почти напротив моей комнаты. Поэтому проникнуть туда можно было, не рискуя попасть на глаза посторонним. Кроме меня в мезонине летней дачи жил только брат домовладельца. Целый день он работал и домой приходил только ночевать. В его присутствии становилось опасно печатать, но он мало обращал внимания на производимый мною шум.

Технические трудности были преодолены. В дальнейшем пришлось все внимание сосредоточивать лишь на маскировке типографии, что несравненно замедляло темпы работы.

Для меня результаты моего первого опыта были большим достижением. Однако Наташа Страутман раскритиковала эти листовки. Дело в том, что моя деревянная рама была скреплена гвоздями и на листовках отпечатывались шляпки от этих гвоздей. Помимо этого ряд прописных

букв из-за отсутствия необходимого шрифта был подрезан ножом. Так из буквы «в» я сделал букву «б» и т. д.

Вскоре Наташа выразила недоумение — как это русские товарищи так неумело выполняют работу. Но я продолжал строить из себя наивного парня и уверял, что работа выполняется ими. В то же время я начал раздумывать над тем, не пригласить ли на помощь Наташу, которая по специальности была наборщицей, но меня останавливали ее молодость и шумливость, и я продолжал работу один.

Хотя моя типография была весьма примитивной, но все же она позволяла выполнять не только заказы нашей группы. Вскоре она стала обслуживать харьковскую и иваново-вознесенскую партийные организации. Эти усиленные заказы заставляли думать о расширении типографии, и я серьезно занялся ее усовершенствованием. Но в тех условиях примитивность моей типографии была в то же время большим преимуществом: после работы типография легко разбиралась и все ее несложные части закапывались на чердаке.

Как была выпущена листовка «Против погромов»

И без того слабое хозяйство страны было окончательно расшатано войной. В то время как поставщики военных заказов наживались на прелом зерне, на гнилых сапогах, трудовое население страны несло на себе все тяжести войны. В стране вспыхивали экономические и политические забастовки и продовольственные бунты. Правительство решило заглушить это недовольство, но сделать это было не легко. Тогда была пуще-

на в ход клевета. Революционных рабочих выдавали за немецких агентов, началась широкая травля рабочих организаций, закрывались профессиональные общества, рабочие клубы и рабочая печать. Чтобы направить недовольство рабочих в другое русло, градоначальство Москвы, опираясь на «Союз русского народа», начало погромную кампанию против граждан немецкого происхождения. Необходимо было выступить против разгрома рабочих организаций и погромов. Когда я сообщил комитету Тверской группы о возможности отпечатать листовки, комитет решил посвятить первую печатную листовку протесту против клеветы на представителей рабочих организаций, протесту против травли и преследований рабочей печати. Но при составлении текста листовки произошла заминка. Основные работники комитета недостаточно владели русским языком и поэтому не могли взять на себя эту работу. Прошло несколько дней, а текст не был составлен. Члены комитета решили обратиться к русским товарищам с просьбой составить листовку. Но прошло несколько дней, и Элла Крастынь сообщила, что русские товарищи задерживают работу. Ход событий не позволял откладывать издание листовки, необходимо было ее срочно выпустить. В конце концов мы решили, что проект текста будет написан мною, товарищем Берзиным и Эллой Крастынь, каждым в отдельности, с тем, чтобы, имея на руках эти наброски, составить единый текст листовки. После некоторых изменений был составлен текст на основе моего проекта.

Работа эта проводилась в парке Сельскохозяйственной академии, так как я не хотел водить товарищей к себе на квартиру, где помещалась типография. Товарищи пороптали, но согласились

приезжать ко мне в парк, где мы и закончили эту работу. Эта листовка была моим первым детищем, я не только набирал эту листовку, но и печатал ее и окончательная редакция текста была моей.

Листовка была уже набрана и частично отпечатана, когда Элла Крастынь наконец принесла листовку, написанную русскими товарищами, но я ее не принял и сказал, что наша листовка уже отпечатана. Листовка была отпечатана на писчей бумаге, полученной мной через т. Грунта из потребительской лавочки студентов Сельскохозяйственной академии. Вместо типографской краски была использована краска мимеографа, разведенная скипидаром. Распространяли мы листовки очень осторожно, в результате ни один экземпляр этой листовки не попал в руки охранки, иначе удалось бы сейчас ее найти в архивах охранки.

Попытка организовать Московский комитет

Добившись организации собственной типографии, мы воспрянули духом и стали искать связи с другими партийными большевистскими группами. Тов. Берзин, воспользовавшись загородными экскурсиями, которые устраивались различными профсоюзами, связался с металлистами и печатниками. Ян Грунт на Окружной железной дороге создал кружок железнодорожников. На фабрике Иокиш тоже имелись у нас связи. Все это заставляло нас подумать об организации Московского комитета. Работать дальше без руководящего единого московского центра было очень трудно. Этим делом у нас занялись Элла Крастынь и Эдуард Берзин. К созыву конференции для выборов Московского комитета готовились и другие боль-

шевистские группы. Тверская группа считалась в тот момент самой сильной партийной группой и поэтому должна была быть организатором созыва.

На первых порах работа по созыву городской конференции проводилась каждой группой самостоятельно. Это рождало недоверие одной группы к другой. Основным препятствием была разъединенность групп. Мы узнали, что из Петрограда с особым поручением приехал т. Молотов, и поспешили с ним связаться. Рассчитывая на его помощь, мы приостановили свою работу по созыву конференции, но организовать свидание с Молотовым все не удавалось. Наконец явка была назначена. Несмотря на все протесты, т. Цивцивадзе настоял, чтобы я пошел вместе с ним. Меня очень соблазняла перспектива встречи с представителем Центрального комитета партии, и я, пренебрегая всеми правилами конспирации, согласился. Встреча была организована в доме по одному из переулков у Смоленского рынка. Там жили какие-то курсистки. На явку пришел только студент-медик Мальцев. Молотова мы так и не дождались. Уже потом стало известно, что за ним была установлена усиленная слежка, и он не мог быть на явке. Тов. Цивцивадзе все же надеялся связаться с т. Молотовым. Вторично назначенная встреча должна была состояться в Измайловском зверинце, но через несколько дней были арестованы и т. Цивцивадзе и т. Молотов, и увиделись они уже в тюрьме.

После этой неудачи для нас стало ясно, что за организацию городской конференции необходимо взяться поэнергичнее, не дожидаясь содействия других партийных групп. На конференции мы хотели обсудить три вопроса: органи-

зационный, об отношении к войне и об отношении к меньшевистской социал-демократической фракции Государственной думы. По всем этим вопросам были составлены соответствующие предложения и резолюции. Тов. Цивцивадзе известил нас, что к созыву конференции готовятся лефортовская, семеновская и центральная руководящая группы. 1 июня 1915 г. в Сокольническом лесу состоялось собрание, на котором было решено созвать конференцию. Местом сбора конференции был назначен лес Измайловского зверинца. Порядок дня был намечен такой: 1) выборы МК, 2) война и ее последствия; 3) экономическое положение России и 4) позиция социал-демократии при ликвидации войны.

На конференции предполагалось обсудить и текст воззвания против разгрома магазинов и квартир граждан немецкого происхождения. Однако эта конференция не состоялась. Очевидно провокаторы успели сообщить о наших планах охранке. Начались аресты. Кроме тт. Молотова и Цивцивадзе были арестованы Евгений Маркович Альперович, Алексей Христофорович Митрофанов, Иван Кириллович Косоуров, Илья Иванович Борисов и Михаил Александрович Бессонов.

Эти провалы заставили всех насторожиться. Тверская группа прервала на время связь с другими группами, подготовлявшими созыв конференции. У тт. Кизельштейна, Косиора и Яхонтова возникли сомнения о честности Поскребухина, через которого Тверская группа поддерживала связь с другими партийными товарищами. Тверская группа, связанная с Поскребухиным через Эллу Крастынь, ему все еще доверяла. Зная, что у Поскребухина хорошие связи, мы рассчитывали, что при его помощи городскую конференцию

нам удастся созвать самостоятельно. После арестов, когда из состава комитета Тверской группы были вырваны Элла Крастынь и Эдуард Берзин, поддерживавшие связи с другими партийными большевистскими группами, мне пришлось вместо них взяться за это дело. После долгих мытарств я нашел «добродушного дядю» — так звала Элла Крастынь Поскребухина. При его помощи я связался с т. Кизельштейном. Решив продолжать работу по созыву конференции, я поручал Поскребухину только налаживать связи. Тов. Кизельштейн информировал о мерах, принятых их группой, и предлагал действовать сообща. Вначале, зная нерешительность Кизельштейна в вопросе о войне, я отказался, но когда он указал мне на ненадежность связей, организованчых Поскребухиным, я дал согласие. После этого Кизельштейн сообщил мне, что уже работает организационная группа в составе Станислава Косиора, Яхонтова и его самого. Было решено, что от Тверской группы в эту организационную тройку войдет один представитель. Этим представителем выбрали меня. В сентябре в одном из скверов Девичьего Поля было назначено заседание нашей организационной четверки. На это заседание явились тт. Яхонтов, Кизельштейн и я. Станислава Косиора мы так и не дождались. Обмен мнениями показал, что у нас разногласий по принципиальным вопросам не имеется. Конференция должна была состояться 7 сентября (по старому стилю), но из-за отсутствия соответствующего помещения было решено перенести конференцию на 12 сентября.

Однако конференция не состоялась и в этот день. 6 сентября я был арестован и водворен во 2-ю Арбатскую часть. Вечером туда же привезли Станислава Косиора, а на следующее утро в нашу

палату привели Кизельштейна. Было ясно, что о нашей подготовке к городской конференции стало известно охранке, и она арестовала почти всю организационную группу. Сидя в Арбатской части, мы посмеивались, что придется открыть заседание конференции здесь, в полицейском участке. Итак все попытки создать Московский комитет опять кончились неудачей. Но московские большевики не падали духом. Оставшиеся на свободе товарищи продолжали действовать. 22 сентября снова была сделана попытка созвать конференцию. Я в то время уже был арестован и поэтому передаю об этом сокращенно по агентурной записке провокатора «Кондуктора».

«Во вторник, 22 сентября в помещении правления общества «Солидарность» должна была состояться общегородская конференция московских социал-демократических большевистских групп. На эту конференцию явились 3 члена организационной комиссии — Милютин, Соколов, Егоров, представители 4 групп и один с правом совещательного голоса — Шишкин. Всего таким образом собралось 8 человек. Председателем был избран Егоров.

Милютин сделал доклад о работе организационной комиссии по созыву конференции, в котором указал, что организационная комиссия, в состав которой первоначально вошло 5 человек, прежде всего стала заводить связи с существующими в Москве социал-демократическими большевистскими группами, что ей в конце концов удалось сделать; затем им было предложено обсудить вопрос о желательности, в целях объединения, созыва общегородской конференции для выработки общей платформы Московского комитета.

К этому предложению все группы отнеслись очень сочувственно, и были произведены выборы по расчету — один представитель от каждых 20 членов организации. Так как всех членов социал-демократических групп, по приблизительному подсчету, оказалось около 300 человек, то участие в конференции должны были принять 15 представителей групп и 5 членов организационной комиссии. Казалось, все уже было сделано, но по различным причинам собраться не удалось. И вот только теперь нашлось подходящее помещение и созвано собрание, на которое, к сожалению, вместо 20 человек явилось только 8, что однако, ввиду важности настоящего момента, не должно служить препятствием к признанию этого собрания общегородской конференцией, и предлагал объявить конференцию открытой, приступить к обсуждению неотложных вопросов и к избранию хотя бы временного Московского комитета.

После Милютина выступил представитель социал-демократической группы Лефортовского района, заявивший, что не считает возможным признать настоящее собрание конференцией, так как ему и группе, его делегировавшей, совершенно неизвестны лица, взявшие на себя почин созыва конференции, и он даже не знает, присутствуют ли здесь представители настоящих партийных групп или просто представители легальных рабочих организаций, участие которых в конференции он и его группа считают совершенно недопустимым.

На это Милютин и Егоров ему указали, что здесь присутствуют представители исключительно оформленных социал-демократических партийных групп и что столь недоверчивое его отношение к настоящему собранию более чем непонятно.

Тогда лефортовец заявил, что он говорил не

от своего имени, а от имени группы, и что он лично не уполномочен группой принять сегодня участие в конференции, постановления которой, если она все же состоится, его группа будет считать для себя необязательными. Не успел лефортовец договорить, как патрульный дал знать о приходе наряда полиции, почему дальнейшие прения были тотчас прекращены, а имевшийся материал (заготовленные резолюции) был тотчас же взят Егоровым и спрятан где-то на кухне. Полиция всех переписала, включив в список патрульного Уткина, пришедшего в общество в то время, когда там уже находился наряд полиции. После этого все разошлись, и конференция таким образом опять не состоялась».

Все эти срывы конференции говорили о широко развернутой провокационной работе. Уже после революции мы узнали, что охранка имела провокаторов в каждом нелегальном рабочем обществе и даже в некоторых партийных группах. Так и в обществе торговых служащих секретарем общества состоял провокатор Поскребухин. В профессиональном обществе металлистов членом правления был провокатор Соколов. У печатников работал провокатор Николаев. Просматривая архивы охранки, мы убеждаемся в том, что московское отделение сумело в каждой подпольной организация завербовать своего агента внутреннего наблюдения, т. е. провокатора.

Расцвет деятельности Тверской группы РСДРП

Тверская группа летом 1915 г. имела в своем распоряжении три хорошо налаженных большевистских кружка и подпольную типографию. В

Тверскую группу входило около 60 партийцев. Каждый злободневный вопрос выносился на массовку, и после совместного обсуждения выпускалась листовка, разъясняющая то или другое решение.

В большинстве случаев массовки устраивались в Богородском лесу за Преображенской заставой. На эти массовки приглашались не только организованные в подпольные ячейки товарищи, но и сочувствующие. С особым подъемом прошли три массовки: одна из них была посвящена протесту против погромов граждан немецкого происхождения и травли рабочих, другая — вопросам о войне и третья — массовка, где обсуждался вопрос о протесте против расстрела рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске.

В июле была выпущена листовка под названием «Что делать», в августе — «Товарищи рабочие и солдаты» и «Проклятие убийцам».

Позиция Тверской группы в вопросах войны была ясно изложена в листовке «Что делать». Вот отрывок из этой листовки.

«...Товарищи, мы не можем связывать с этой войной никаких положительных задач. Стоя под знаменем международной социал-демократии, мы до конца должны остаться решительными противниками войны. Настоящую войну всеми силами мы должны стремиться немедленно превратить в гражданскую войну. Задача момента—не совместная работа с правительством и буржуазией под знаменем защиты отечества, а укрепление своей нелегальной организации, объединение всех своих сил для решительной борьбы с царской монархией. Товарищи, пусть же наша кровь прольется за наше рабочее дело, за освобождение тру-

да, за свободу. На призыв буржуазии сплотиться и позабыть партийную рознь мы ответим новой борьбой с ней, на натравливание отдельных народностей—международным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Довольно братской крови!»

«Долой царскую монархию!»

«Да здравствует революция!»

«Да здравствует социал-демократическая республика!»

Тираж выпускаемых нами листовок был довольно значительным, однако до помеченной на листовке цифры в 10 тыс. он не доходил. Но на листовке мы ставили эту цифру для того, чтобы отвлечь внимание от моего мезонина. Ведь немыслимо искать типографию, выпускающую листовки таким большим тиражом, на такой маленькой даче, где она помещалась. Набор мы сохраняли неразобранным, что давало возможность в любое время приняться за размножение листовок. Листовки распространялись известными нам партийцами, работающими в профессиональных обществах. Они использовали для этого загородные экскурсии, а также расклеивали и разбрасывали листовки по рабочим районам.

Регулярный выпуск листовок поднял на ноги московскую полицию. Почти после каждого выпуска листовки производились аресты, но они не задевали почти никого из активно работающих в Тверской группе.

Однако по мере развертывания подпольной работы немыслимо было замыкаться в узком кругу нашей группы партийцев. Цель нашей работы заключалась в завоевании широкой рабочей аудитории. Этому способствовал выпуск листовок. Нашу группу знала не только Москва, но мы ста-

ли известны и за пределами ее. Возникла опасность попасть в лапы провокаторов. Но такова уже логика революционной борьбы, что она не останавливается перед грозящей опасностью.

Мы имели связь с харьковской и саратовской организациями через тт. Богоявленского и Наумова, высланных из Москвы. Они, нащупав в этих городах партийные связи, не замедлили нам об этом сообщить. Однако, пока мы не имели типографии, ни саратовская, ни харьковская организации не были с нами крепко связаны. Зато, когда они узнали о нашей типографии, они немедленно потянулись к нам.

Так в июле к нам из Харькова приехал товарищ «Георгий» (Баклаев). Он прочел нам написанную им листовку «Товарищи рабочие и солдаты» и просил отпечатать тысячу экземпляров для Харьковского комитета.

Мы не могли сделать новый набор и предложили отпечатать за подписью Харьковской организации текст нашей листовки по нерассыпанным еще гранкам. «Георгий» на это дал свое согласие. Мы отпечатали заказанные листовки и переслали в Харьков. Через этого же «Георгия» была установлена связь с Петроградом.

Тов. Наумов тоже заказал для иваново-вознесенской организации тысячу листовок за подписью Иваново-вознесенского комитета, что нами и было исполнено в срок. Ему мы перепечатали ту же листовку, изменив только подпись. Таким образом мы стали обслуживать уже ряд промышленных центров, но наша типография не могла удовлетворить запросы всех групп, и мы, расширив ее, стали работать втроем в том же помещении.

Известность Тверской группы распространилась далеко за пределы Москвы. Так в начале августа ко мне вдруг явился т. Наумов и от имени иваново-вознесенской организации обратился за помощью: им нужен авторитетный докладчик для выступления от Московского областного комитета на массовом собрании рабочих.

— По какому вопросу?

— О восстании.

Я опешил, услышав такой ответ, произнесенный самым спокойным тоном, как будто бы дело касалось небольшой экономической забастовки. В разговоре выяснилось, что иваново-вознесенские рабочие, давно возмущаясь нечеловеческими условиями труда и политическим бесправием, решили поддержать решение Иваново-вознесенской областной большевистской конференции об организации вооруженного восстания. День забастовки был назначен на 8 или 9 августа. И вот на это собрание т. Наумов просил докладчика. Я долго убеждал т. Наумова, что восстание, если его не поддержат другие промышленные центры,—это нелепость, преступление и что во всяком случае не нам, Тверской группе, выделять своего человека на организацию этого восстания. Тов. Наумов согласился с моими доводами, но, связанный директивами своей организации, не решился действовать вопреки ей. Все же он стал просить, чтобы наша группа выделила представителя для разъяснения этого вопроса иваново-вознесенским рабочим. Я объяснил т. Наумову, что от нас поехать никто не может, и посоветовал найти кого-нибудь из московских партийцев. Оказалось, что т. Наумов уже пытался обратиться к члену Московского областного комитета Романову и тот не мог оказать никакого содействия.

Разговор с Наумовым происходил 6 или 7 августа, а восстание было намечено не то на 8-е, не то на 9-е этого месяца. Медлить мы не могли.

Что я мог посоветовать т. Наумову? Чем помочь?

Говорить от имени московской организации я не мог, а ответ нужно было дать срочно. Я предложил такой выход: отпечатать от имени Иваново-вознесенского комитета большевиков воззвание, которое Наумов заберет с собой, затем уполномочить т. Наумова от лица московских товарищей выступить против вооруженного восстания. Другого выхода не было, и т. Наумов принял мои предложения.

События развернулись так: Романов, оказавшийся провокатором, выдал охранке Наумова, который был арестован немедленно по приезде в Иваново-Вознесенск.

От намерения организовать восстание иваново-вознесенская организация отказалась, однако рабочие вышли на улицу. Полиция преградила им дорогу. На натиск рабочих полиция ответила выстрелами, было убито 13 рабочих и ранено около 100.

Подробности этого дела стали известны только после революции, когда мы получили доступ к материалам московского охранного отделения. Выяснилось, что провокатор Романов нарочно оттягивал решение вопроса и вводил в заблуждение т. Наумова, ожидая указаний департамента полиции. Помимо этого в иваново-вознесенской организации был провокатор Чугунов, подготовивший провал забастовки. После директивы охранного отделения—не провоцировать рабочих на восстание Романов отказался послать человека в Ива-

ново-Вознесенск и высказался против организации стачки. На этот раз точка зрения наша и департамента полиции совпала. Департамент, боясь больших политических осложнений, решил не итти на открытое провоцирование рабочих, а мы, трезво взвесив наши силы, отказались от авантюры.

После жестокой расправы полиции с иваново-вознесенской организацией работа ее была прервана и мы потеряли всякую связь с этой группой.

Использование легальных возможностей

В дни бешеного сыска и провокации трудно было сорганизовать широкие массы в самом подполье. Наличие подпольной типографии давало возможность говорить с массами хотя бы языком листовок, но этого было недостаточно. Мы решили использовать для нашей агитационной работы все легальные возможности, а именно: профессиональные общества, больничные и страховые кассы, культурно-просветительные общества, съезды и совещания, загородные экскурсии и легальную печать.

Профессиональные общества давали нам возможность с легальных трибун говорить с рабочими так, как это было нам нужно. Несмотря на все преследования полиции, профессиональные общества в те дни были действительно школой коммунизма. Большое значение для развития рабочего движения имело создание Центрального бюро профсоюзов.

Мы старались использовать уцелевший в Москве рабочий журнал «Вопросы страхования». Обычно приходилось писать иносказательно, но рабо-

чие научились читать между строк. Иногда нам удавалось протащить через цензуру политически заостренные статьи. Так в № 7 за 1915 г. по вопросу об участии рабочих в военно-промышленном комитете была помещена такая статья:

«Ответ ясен и давно уже дан самой жизнью. Правительство и буржуазия не в состоянии справиться своими собственными силами с колоссальными задачами, которые поставила перед ними военная оборона страны. Необходимо участие рабочих, конечно не только для того, чтобы поставить эту оборону на должную высоту, но также и для того, чтобы возложить ответственность за нее на массы населения. В течение целого года буржуазия и правительство всячески игнорировали рабочих.

Как град, сыпались на их головы административные кары и преследования, сотнями преследовались и высылались в места «не столь отдаленные» наиболее активные и энергичные работники. До тла разрушены все культурные и профессиональные организации, осуждены и отправлены в Сибирь рабочие представители. А наряду с этим нищета, безработица и самая беззастенчивая, ничем не стесняющаяся эксплоатация.

Нет таких обид и оскорблений, которых бы не пришлось испытать за этот короткий, но тяжелый промежуток русскому рабочему, вплоть до расстрелов в Костроме и 10 августа в Иваново-Вознесенске.

Когда началась война, его не спросили, как он относится к ней. Зачем? Можно было обойтись и без этого.

Когда он вздумал заговорить об этом сам, ему зажали рот и сказали: молчи.

И он молчал... поневоле.

Скованный по рукам и ногам, он был и мог только быть наблюдателем.

Но он знал, что придет еще и его время.

Может ли он теперь взять на себя ответственность за все происшедшее?

Ответ очевиден».

Конечно после таких статей журнал конфисковывался, но все-таки некоторые номера удавалось сохранить, и они передавались из рук в руки.

Наши агитаторы старались использовать загородные экскурсии для пропаганды, но охранка не раз срывала эти массовки, и поэтому основным кадрам наших партийцев посещать их было опасно. Мы использовали и съезд по борьбе с дороговизной, созванный союзом земств и городов. В основном мы были против участия на таких съездах, не желая помогать буржуазии, но пользовались трибуной съезда и особенно подготовительной кампанией к нему для того, чтобы разоблачать буржуазных «спасителей отечества».

Подготовка к съезду дала возможность перенести на фабрики и заводы обсуждение всех злободневных вопросов. Обычно на всех собраниях, помимо разоблачения политики правительства и буржуазии, критиковалась работа меньшевиков, идущих на поводу у буржуазии. Какова была позиция большевиков, показывает резолюция, одобренная рабочими представителями и внесенная в президиум съезда.

«Принимая во внимание, что правящие слои в настоящий исторический момент обнаружили свое полное банкротство, что хозяйственная дезорганизация страны принимает угрожающий характер, и что борьба с этой дезорганизацией мо-

жет усиленно вестись только при непосредственном и активном участии всех живых сил страны, а в особенности наиболее заинтересованных в этом вопросе трудящихся классов, — совещание считает необходимым:

1) создание полновластного народного представительства, избранного всеобщим прямым, равным и тайным голосованием, и образование ответственного министерства;

2) установление неприкосновенности личности, полная свобода слова, печати, собраний и коалиций;

3) гражданское политическое равноправие всех народностей и вероисповеданий;

4) полную политическую амнистию и немедленное восстановление в правах осужденных рабочих депутатов рабочей фракции;

5) полную демократизацию земства и городского самоуправления и до введения в жизнь соответствующего закона — немедленное привлечение в исполнительные комиссии по борьбе с дороговизной рабочих и демократических слоев населения;

6) немедленное создание центрального органа по борьбе с дороговизной, составленного из представителей общественных организаций, объединяющих все слои населения, и обладающего широкими исполнительными полномочиями».

Конечно руководители съезда не приняли эту резолюцию, но цели своей мы достигли — рабочие ее обсудили и приняли, а это было главное.

Была использована и кампания, поднятая большевиками против участия рабочих в военно-промышленных комитетах.

Кампания против участия рабочих в военно-промышленных комитетах

Патриотизм населения, о котором так громко кричали, был фикцией. На самом деле росло дезертирство, забастовочное движение среди рабочих не прекращалось. Так только в одной Московской губернии в 1914 г. участвовало в стачках 148 124 рабочих, а в 1915 г. — 155 848 рабочих. Это только в прославленной патриотической Москве.

Наша русская буржуазия, учитывая опыт правительств других стран — участников войны, привлекавших рабочих к организации снабжения и обороны, решила пригласить рабочих представителей в военно-промышленный комитет. Этим самым она старалась снять с себя ответственность за исход войны.

В ответ на обращение Гучкова о привлечении рабочих в военно-промышленные комитеты большевики в журнале «Вопросы страхования» выступили против участия рабочих в комитете. Выборы были установлены двухстепенные: вначале выделялись выборщики, а затем выборщики выбирали своих представителей в военно-промышленный комитет. Первые выборы были назначены на 10 ноября, а на 15 ноября в московской бирже было уже назначено заседание для выбора рабочих представителей в военно-промышленные комитеты.

По данным московского областного военно-промышленного комитета, в выборах должны были участвовать 62 предприятия с числом избирателей 34 948. Благодаря усиленной агитации большевиков за бойкот военно-промышленного

комитета на выборах было подано только 43,2% голосов всех привлеченных к выборам. Эта цифра показывает, какое огромное влияние оказывали большевики на массы рабочих.

Выборное собрание в военно-промышленном комитете открывал крупный капиталист, владелец фабрики Рябушинский; он призывал к гражданскому миру, к победе над врагом, к победе, которая была выгодна только крупным промышленникам, только им приносила прибыли. Об этих прибылях газета «Русское слово» рассказывает следующее:

«Прибыль 19 крупнейших предприятий металлургической промышленности (как раз работающих на войну) увеличилась с 31,9 млн. руб. в 1913 г. до 52,3 млн. руб. в 1914 г., что составляет рост на 65,5%.

В двенадцати предприятиях суконной, шерстяной и льняной промышленности чистая прибыль с 4,2 млн. руб. увеличилась за то же время до 6,8 млн. руб., что составляет прирост 61,9%.

Прибыли восьми предприятий сахарной промышленности увеличились с 1,9 млн. руб. до 4,3 млн. руб., или на 126,3%.

Прибыли четырех крупнейших предприятий резиновой промышленности увеличились с 14,7 млн. руб. до 18 млн. руб., или же на 3,3 млн. руб., или 22,4%.

Брянский завод дал увеличение прибыли с 4,7 млн. до 7 млн. (на 45%) и завод «Гартман» дал увеличение прибыли на 73%. Общество меднопрокатных и трубочных заводов—на 18%, Демидовская мануфактура — на 82%, Нарская мануфактура — на 60%, Сеньков — на 24%, Костромская мануфактура — на 73,8%, сахарный завод Н.-То-

воржанского — на 151%, Стермунд и Вейс — на 166%, «Богатырь» — на 109%, «Каучук» — на 216%, «Сев.-кавк. нефть» — на 99%, «Эмба» — на 95% и т. д.»

В противовес выступлениям Рябушинского резко высказались представители большевиков.

В то время как прибыли Рябушинских сказочно росли, реальная заработная плата рабочих уменьшалась из полугодия в полугодие. Средний месячный заработок московского рабочего составлял:

1-е полугодие 1914 г. — 25 р. 50 к.
2-е „ 1914 г. — 19 „ 60 „
1-е „ 1915 г. — 19 „ 50 „

Кривая жизненного уровня рабочего резко падала вниз.

Несмотря на льстивые слова Рябушинского, рабочие пошли за большевиками. Большинством был принят наказ, в котором говорилось:

«1. Современная война есть война буржуазии. Начатая вопреки желанию народа и во вред ему, эта война в то же время всей своей тяжестью ложится на плечи неимущих слоев населения.

Международный пролетариат не может связывать с этой войной никаких положительных задач. Идя к своей основной цели, рабочий класс должен использовать современный военный кризис для объединения всех живых сил пролетариата, для осуществления своих классовых задач.

Наша задача — не сотрудничество с буржуазными классами в деле организации войны, а борьба с ней в интересах классовой самозащиты и классового освобождения. Эти задачи могут быть

достигнуты не участием во враждебных нам буржуазных организациях, а в создании и укреплении своих классовых организаций.

2. Военно-промышленные комитеты есть классовые организации русской буржуазии. Объединяясь вокруг комитетов, буржуазные классы пытаются использовать военный кризис для укрепления своего политического и экономического господства.

Мобилизуя промышленность под знаменем «защиты отечества», военно-промышленные комитеты дают возможность промышленникам за счет народа нажить громадные состояния. Под знаменем патриотизма происходит расхищение народных средств, «защита отечества» стала выгодным предприятием.

Создав для себя привилегированное положение, русские промышленники в союзе с правительством пытаются закрепостить рабочих путем введения милитаризации труда, чрезмерных сверхурочных работ, усиления эксплоатации женского и детского труда и использования труда желтых рабочих.

Переживаемый страной экономический кризис обострил классовые противоречия. Невыносимые условия жизни вынуждают рабочий класс напрячь все силы для того, чтобы дать решительный отпор «патриотизму эксплоататоров».

Только сплачивая свои силы в своих рабочих организациях, сумеем дать мы им надлежащий отпор.

3. Исходя из этих соображений, мы заявляем, что участие русских рабочих в военно-промышленных комитетах является изменой делу международного пролетариата и принесет глубокий

вред русскому движению. На призыв буржуазных классов принять участие в работах военно-промышленного комитета для сотрудничества с ним в деле организации мы, рабочие, должны ответить отказом от участия в комитете и приложить свою энергию к тому, чтобы укрепить существующие и создать всюду новые свои **рабочие организации.**

Призывая рабочих г. Москвы к отказу от выборов в военно-промышленный комитет, мы вместе с тем обязываем нашего уполномоченного на собрании уполномоченных отстаивать вышеуказанные нами положения и голосовать против выбора в военно-промышленный комитет».

В то же время, когда происходила кампания выборов в военно-промышленный комитет, я и многие наши товарищи сидели в тюрьме. Однако благодаря хорошо налаженной нелегальной почте мы получали сведения. Мы узнали, что вокруг наказа большевиков шла борьба между большевиками, меньшевиками, народниками и кадетствующими. Мы гордились победой большевиков.

Меньшевики также развернули большую работу. К ним на подмогу приехали из Петербурга Скобелев, Чхеидзе и Керенский. Чхеидзе, увидев, что рабочие потянулись за большевиками, изменил свою тактику. Он выступил в защиту участия в военно-промышленном комитете, выставляя следующий тезис: «в интересах организации рабочих и для организаций антиправительственных сил, только при осуществлении минимума политических и гражданских свобод пролетариат может практически подойти к разрешению этой задачи».

Чхеидзе, выступивший в обществе взаимопомощи, получил серьезную отповедь от большевиков — Косиора, Рогова, Матранского и др. Дру-

гой меньшевик, Скобелев, в своих выступлениях соблазнял рабочих перспективой превращения собрания выборщиков в совет рабочих депутатов. На эту удочку попалась часть колебавшихся рабочих. На выборы представителей в военно-промышленные комитеты явилось 90 выборщиков. После речи Рябушинского и выступления сторонников участия и бойкота голосование дало такие результаты: за участие — 69 человек, против — 21 человек. Сторонники большевиков решили покинуть заседание, сделав соответствующее заявление, но оказалось, что Рябушинский призвал полицейскую охрану. Эта охрана стала переписывать бойкотистов и не выпускала их из помещения. Рабочие протестовали, и Рябушинский вынужден был распорядиться выпустить бойкотистов. Однако охранка взяла под свое наблюдение большевистски настроенных рабочих.

Дальнейший опыт участия рабочих в военно-промышленном комитете показал, что большевики были правы: никакого «совета рабочих депутатов» создать не удалось.

В чем выразилось участие рабочих в военно-промышленном комитете, показывает их отчет.

«В течение первых трех месяцев рабочая группа почти лишена была возможности плодотворно работать вследствие крайней неопределенности положения в комитете. Почти все внимание ее было сосредоточено в это время на борьбе за самостоятельность рабочей группы. Комитет решительно отказался признать рабочую группу самостоятельным отделом».

И вот, несмотря на создавшееся положение, рабочая группа военно-промышленного комитета под нажимом буржуазии продолжает вербовку рабочих в военно-промышленные комитеты.

Но классовое сознание рабочего за годы войны выросло и укрепилось. Передовые рабочие уже не верили пышным фразам меньшевиков и внимательно прислушивались к голосу большевиков.

Провал нашей типографии и арест активных подпольщиков

Опасаясь возможности провала нашей типографии мы подготовляли запасные фонды шрифта на случай ареста нашей примитивной типографии.

Наша связь с иваново-вознесенской и харьковской организациями ускорила события. Дело в том, что товарищи Наумов и «Георгий» без моего ведома дали ко мне явку областнику Романову, оказавшемуся провокатором. Меня очень соблазняла возможность связаться с членом Московского областного комитета большевиков. Все же я долго не приезжал к нему. Однажды он сам пришел ко мне в буфет студентов Сельскохозяйственной академии по паролю, данному ему товарищем Наумовым. Я был вынужден познакомиться, но все же, желая замести следы, никакой литературы ему не передавал. Меня очень интересовала судьба Наумова, и я на следующий день поспешил явиться к Романову на Большую Грузинскую, где помещалась его переплетная мастерская. Зайдя к Романову, я получил печальную информацию: в Иваново-Вознесенске произошел расстрел рабочих, много убитых и раненых. Судьба т. Наумова неизвестна.

В московских газетах о расстреле в Иваново-Вознесенске еще не было никаких извещений

(расстрел произошел в тот день, когда я зашел к Романову). Я удивился осведомленности Романова и высказал ему это вслух. На это он ответил мне, что оттуда только что прибыл член их организации. Я поверил, и осведомленность Романова еще больше подняла его авторитет в моих глазах. Я перестал избегать его.

За мной немедленно была установлена слежка московской охранки, но как-то инстинктивно я это почувствовал. После прихода ко мне т. Наумова за листовками я заметил, что около трамвайной остановки и парадного подъезда студенческой столовой неустанно дежурили какие-то подозрительные типы. Поэтому я стал вдвое осторожнее.

Но провокаторы все более усиливали свою деятельность. Элла Крастынь поддерживала связь с торговыми служащими через Поскребухина, который тоже оказался провокатором. Очарованная манерами Поскребухина, она чрезмерно доверилась ему. При ее близорукости охранке было очень легко установить за ней наружное наблюдение. Эдуард Берзин поддерживал связь с металлистами и печатниками, а там были провокаторы Соколов и Николаев.

Если бы я имел возможность работать в типографии один, слежка провокаторов за Крастынь и Берзиным не угрожала бы еще провалом типографии. Но размах работы и горячее желание помочь мне привели к тому, что сначала Крастынь, а потом Берзин стали по ночам работать у меня в типографии.

В ночь на 18 августа, когда мы втроем работали над листовкой «Проклятие убийцам», выпущенной после расстрела иваново-вознесенских рабочих, я заметил, что гости домохозяина нача-

ли проявлять излишнее любопытство к шуму и свету в моей комнате. Конечно они не могли предполагать, что в моей комнатушке может помещаться подпольная типография, но они подозревали следующее: я не русский, уроженец Прибалтийского края, чего доброго, работаю на немцев. Намеки такого порядка не раз высказывались хозяевами, но мне до сих пор удавалось рассеять всякие подозрения.

Я встревожился и решил немедленно перебросить типографию в другое место. Раздумывать долго было некогда. Я попросил товарища Грунта спрятать на время типографию где-нибудь в складах академии. Он на это согласился. Однако днем этого делать мы не решились и по совету Грунта перенесли листовки и типографию в его квартиру на Выселки. Потом, осмелев, решили закончить там печатание и после этого отнести типографию в подвал академии.

Работа продолжалась весь день и затянулась до поздней ночи. Работали мы по очереди: Грунт, его жена, Берзин, Крастынь и я. Пока двое работали, остальные отвозили в город листовки.

В час ночи мы бросили работу, и я ушел к себе домой. Оставшиеся решили продолжать и долго не ложились. Я уже лег, как вдруг сквозь сон слышу — стучат у ворот, и кто-то произносит мою кличку — «Дядя»!

Высунувшись за окно, я увидел жену Грунта. Я выбежал к воротам.

— Все кончено! — говорит она.— Забрали Яна, Эллу и типографию.

Мне надо было спасать остатки типографии, укрыть жену Грунта, случайно не арестованную, а также подумать о своей безопасности. Сказав

жене Яна, чтобы она немедленно съехала с квартиры и обещав ей достать другой паспорт, я немедленно занялся очисткой своей квартиры. У меня на чердаке хранились запасные рамы, шрифт и краска. Все это я под плащом перенес в лес и закопал. Потом соскреб с пола пятна от краски, подобрал валявшийся кое-где шрифт, упаковал вещи и, забрав с собою самое необходимое, ушел в Сельскохозяйственную академию. Там товарищи поспешили меня спрятать. Оказалось, что уже наведывались подозрительные субъекты, а в потребительской лавочке у Яна был произведен обыск. Взяв два паспорта служащих академии, я отправился в город и снабдил ими жену Яна Грунта и ее сестру.

Итак остатки типографии были спасены, семья Грунта в безопасности. Меня занимала одна мысль: необходимо немедленно выпустить новое воззвание и тем доказать охранке, что типография тверской группы не уничтожена. Этим я и занялся.

Попытки создать новую типографию

Наша типография была сильно разрушена. Однако имелось все для того, чтобы издать небольшую листовку, но необходима была квартира. Это оказалось самым трудным. Я обошел всех знакомых, но убедился, что их помещения совершенно непригодны для этой цели. Тогда я поехал за город к товарищам, приехавшим только что из Риги, но и там не нашлось подходящей квартиры.

Потеряв всякую надежду на получение помещения среди знакомых, я стал искать помощи у

торговых служащих и тут натолкнулся на провокатора Поскребухина. Последний меня обрадовал: будут и деньги и квартира. Однако проходили дни, но ни квартиры, ни денег я от Поскребухина не получал. Зато я стал замечать за собой слежку подозрительных субъектов. Это заставило меня поселиться на несколько дней в Сокольническом лесу и подумать о переезде в другое место, подальше от глаз полиции. Однако на 7 сентября была назначена московская конференция, где я должен был принимать участие. А самое главное, что препятствовало моему отъезду, — это необходимость восстановить типографию. Боясь ареста, я передал Альме Берзин ключи от типографии, а сам продолжал искать связи с печатниками. На совещании, посвященном изданию своего легального печатного органа, я познакомился с печатником Николаевым. Тот обещал снабдить меня дополнительным шрифтом, но обещания своего он так и не выполнил. Впоследствии оказалось, что и он был провокатором. Чувствуя нетвердость своего положения, я 2 сентября созвал в помещении Преображенской больницы для душевнобольных заседание актива тверской группы, на котором присутствовал и Николаев, и передал все свои связи и функции новому составу работников.

Оказалось, что это было весьма своевременно. 6 сентября, после свидания с Поскребухиным на Театральной площади, идя на заседание, я был арестован. Типография была закрыта до 1918 г., когда я, вернувшись в Москву, раскопал ее и передал Московскому истпарту. О периоде между провалом типографии и моим арестом я расскажу ниже.

Между небом и землей

Даже после провала типографии я недооценивал сложности положения. Я все еще полагал, что полиция напала на типографию случайно. Я думал, что Грунт находится у охранки вне всякого подозрения, так как непосредственного участия в работе типографии он не принимал. Его жена только что родила, и втянуть в такое время Грунта в активную работу мы считали нецелесообразным. Кроме того Грунт имел свой участок работы—он снабжал типографию краской и бумагой и передавал иногда листовки через потребительскую лавку студентов Сельскохозяйственной академии.

Типография была обнаружена в другом районе. Поэтому я считал, что все внимание охранки будет теперь направлено в другой район Петровско-Разумовского — на Выселки. Рассчитывая на это, я, уходя из дому, не захватил с собой ничего из своих вещей, надеясь вернуться к себе на квартиру через несколько часов.

Однако, как только я пришел в сельскохозяйственную академию, студенты, ругая за неосторожность, немедленно спрятали меня в полуподвальном помещении академии. Оказалось, что с самого утра агенты охранного отделения ожидали меня в помещении студенческой столовой около буфета. Буфетом заведывал я. Тов. Наумов дал провокатору Романову явку именно сюда, и тут он меня разыскал. Надо было подумать о том, как теперь улизнуть из Сельхозакадемии, в которой шныряли шпики.

В этом мне помогли студенты академии, достав нужные паспорта. Жену Грунта с ребенком

и сестрой мне удалось пристроить в одном из Тишинских переулков около Сенной площади, в квартире товарища Старпинь. Сам я оказался между небом и землей. Переночевав одну ночь в этой же квартире Старпинь, я решил больше сюда не приходить, чтобы не подвергать опасности жену т. Грунта. Несколько последующих ночей я провел в окрестностях Москвы, потом решил еще раз наведаться в столовую студентов Сельскохозяйственной академии, чтобы узнать о судьбе моей квартиры и получить от знакомых студентов какую-нибудь помощь для семьи т. Грунта. Мое появление в столовой Сельскохозяйственной академии снова всполошило всех студентов. Оказалось, что у меня на квартире был обыск, и там целую неделю меня поджидали агенты охранного отделения. Я попрощался, сказав, что ухожу в город, а на самом деле пошел к себе на дачу, решив еще раз рискнуть. Мне необходимо было вынести из моей квартиры некоторые вещи.

Я смело направился в «Чайный уголок» своего домовладельца и приветствовал его как бы по возвращении из той поездки, о которой я говорил ему раньше. И хозяин, и его жена, увидев меня, опешили. «Как? Вы на свободе? Ведь полиция тут все перевернула вверх дном, а городовые и агенты охранки дежурили целую неделю!»

Я постарался успокоить их, уверяя, что это ошибка, что я ни в чем не замешан и политически абсолютно надежен. Жалко, что меня не было дома, тогда бы сразу все выяснилось. Хозяйка, не то пугаясь за хорошую славу своего «Чайного уголка», не то действительно сочувствуя мне, стала упрашивать съехать с квартиры. Успокоив хозяйку, я взял ключ от своей комнаты и пошел к себе. Весь расчет строился на том, что если бы

даже хозяева донесли на меня, то полиция придет за мной не раньше чем через час, а я тем временем возьму, что мне надо, и скроюсь.

Уж стемнело, когда я вошел в комнату. Света я не зажигал, чтобы не обратить внимания посторонних. Отобрав в темноте все самые необходимые вещи и связав их в узелок, я поспешил удалиться. Перепрыгнув через забор, я скрылся в лесу.

Я решил направиться прямо в Сокольники. Пройдя пешком к Всехсвятскому, я сел на трамвай и без пересадки доехал до Сокольнического круга. Отыскав в лесу более спокойный уголок, я устроился на ночевку. Но в Сокольническом лесу тоже было неспокойно. Горланили пьяные, гуляли влюбленные парочки, пересвистывались городовые.

Ранним утром я побрел к Преображенской больнице, надеясь хоть на несколько дней найти там убежище. Но ворота оказались закрытыми и в такую рань меня туда не впустили. Не попал я в Преображенку и днем, так как никого из моих знакомых встретить не удалось. На следующий день я отыскал своих приятелей и провел в Преображенской больнице целые сутки.

Теперь, вспоминая о прошлом, все это кажется очень тяжелым, но тогда некогда было размышлять — все личное отходило на задний план. Целые дни до поздней ночи проходили в беготне по делам партийной организации.

Нам нужна легальная печать

Создать в московских условиях большую подпольную типографию для печатания нашей боль-

шевистской литературы казалось невозможным. Поэтому многие товарищи ставили вопрос об издании своего легального печатного органа.

Этим делом занялись товарищи Яхонтов, Смидович, Милютин, Кизельштейн и др.

Совещание, посвященное этому вопросу, было организовано т. Кизельштейном. Так как после ареста основной части актива тверской группы я лишь один имел связи с другими организациями, мне приходилось принимать самое непосредственное участие как в организации типографии, так и в составлении воззваний. Получив приглашение и явку, я явился на Самотечную, где вечером 22 августа в квартире портного Корпункова состоялось собрание представителей профессиональных обществ, больничных касс и партийных групп РСДРП для обсуждения вопросов по изданию в Москве легальной рабочей большевистской газеты.

На совещании присутствовали: от редакционной коллегии — т. Кизельштейн, от торговых служащих—т. Гончаров, от портных— Прокофьев, Василий Сахаров, Корпунков, от кондитеров — т. Абинтум и председатель правления, от металлистов—член правления Захаров, от архитектурно-строительных рабочих — председатель правления, от текстильщиков — председатель правления Комаров и бывший казначей общества Купавых, от кошелечников — член правления, от 5-й центральной больничной кассы—Карасев, от центральной кассы типолитографов—секретарь Павлуновский и председатель больничной кассы Николаев, от тверской группы — я. Председательствовал на совещании т. Сахаров. Тов. Кизельштейн информировал собравшихся, что для издания газеты создана редакционная коллегия в составе

Яхонтова, Скворцова, Смидовича, Милютина, Аврамова, Кизельштейна.

Необходимость создания легальной газеты т. Кизельштейн обосновывал тем, что отсутствие в таком крупном промышленном центре, как Москва, легального печатного органа крайне отрицательно отражается на рабочем движении. Редакционная коллегия, взявшая на себя труд по изданию и фактическому редактированию газеты, рассчитывает получить необходимые средства от самих же рабочих.

Мне позиция т. Кизельштейна казалась неправильной. Я решительно выступил против издания легальной газеты, мотивируя свое выступление тем, что в легальной газете мы все равно не сможем сказать то, что нам нужно, а как только попытаемся это сделать, газета будет закрыта, наши средства конфискованы и люди посажены. Я настаивал на издании нелегальной газеты, которая сможет вскрыть создавшееся в связи с войной положение и направить рабочих на правильный путь.

Но при голосовании против издания легальной газеты поднялась, кроме моей, только рука Николаева. Решено было издать легальную газету, не отказываясь от издания нелегальным способом, в случае необходимости, соответствующих листовок.

Затем Кизельштейн от имени редакционной коллегии предложил принять резолюцию, которая должна была служить руководством к дальнейшей работе. Резолюция совершенно обходила вопрос об отношении к войне. Я и т. Гончаров предложили редакции в вопросе о войне придерживаться установки Ленина. Но наша поправка была отвергнута и резолюция была принята без

всяких изменений. В конце собрания редакция доложила, что часть средств уже собрана. В союзе потребительских обществ — 142 руб., в обществе взаимопомощи торговых служащих — 50 руб., в обществе портных — 50 руб., в обществе архитектурно-строительных рабочих — 25 руб., в обществе кондитеров — 25 руб.

Массовка в Петровско-Разумовском лесу

Я все еще продолжал жить на нелегальном положении. Зная, что ареста мне не избежать, я шел на самые рискованные дела. Через т. Кизельштейна я узнал о приезде из-за границы Станислава Вольского. Его знали как сторонника ленинских взглядов на войну, и мне хотелось заполучить его докладчиком на массовки. Связи с Вольским пришлось искать через того же Поскребухина. Эту связь я получил через жену Поскребухина, работавшую в какой-то конторе в Златоустинском переулке. Добившись согласия Станислава Вольского, я немедленно передал об этом новому комитету тверской группы, и мы сообща приступили к организации массовки. Так как богородский лес был на примете у охранки, то я предложил устроить массовку в Петровско-Разумовском лесу, за трамвайной остановкой — Соломенная Сторожка. Это предложение было принято, и в воскресенье 2 сентября, соблюдая все предосторожности, наши большевики разными путями направились к месту массовки.

По дороге к месту массовки было расставлено 4 патрульных поста, что было достаточной гарантией безопасности. Патрульщиками были назначены старые опытные подпольщики. На мас-

совку собралось свыше 70 человек. Среди явившихся на массовку было много вновь прибывших из Риги товарищей. Доклад Вольского, длившийся около двух часов, был выслушан с напряженным вниманием. Он подробно информировал нас об ориентации заграничных марксистских групп.

Массовка была прервана неожиданным налетом полиции. Однако патрульные заранее успели нам сообщить о приближении полиции, и товарищи разбежались по лесу. Никто из участников массовки не был арестован.

При той конспирации, которая была соблюдена нами при организации массовки, нас могли выдать только провокаторы. Стали подозревать в этом Поскребухина.

Несмотря на срыв массовки, она все же подняла дух наших подпольщиков, совсем было приунывших после августовских арестов. Они убедились, что активно работающих товарищей значительно больше, чем это предполагали многие, замкнувшиеся в своих подпольных кружках. Важно было и то, что подпольщики рижской организации немедленно включились в нашу работу, что обеспечило смену арестованному активу. В нашей организации стали работать Альма Берзин, Блумфельд (Алексис), Иван Иванович Леппе и др.

Массовки поднимали настроение и активность членов подпольной организации и давали уверенность в победе.

Разгром Тверской группы. Мой арест

18 августа при разгроме типографии тверской группы были арестованы тт. Ян Грунт и Элла Кра-

стынь (Мулап). В ту же ночь был арестован и Эдуард Берзин, у которого полиция обнаружила наш архив и большое количество только что отпечатанных листовок. После этих арестов ожидали провала и других товарищей.

Если бы не срочные партийные дела, я бы мог поехать на работу в Богородск секретарем больничной кассы вместо одного нашего товарища, мобилизованного на войну. Там же работали наши большевики — Зеленский и Петр Винтин. Однако немедленно покинуть Москву я не имел возможности. Надо было раньше восстановить комитет тверской группы и передать новым работникам все связи. А самое главное — восстановить разрушенную типографию. Кроме того мне хотелось побывать и на городской конференции. Все это оттянуло мой отъезд и привело к неизбежному аресту.

Обозленный все оттягивавшимся исполнением обещаний Поскребухина, я в резкой форме потребовал от него прямого ответа, даст ли он мне квартиру и средства на открытие типографии или нет. После этого он назначил мне встречу на 6 сентября, в сквере на Театральной площади, обещав дать все необходимое. Как бы предчувствуя арест, я успел в это утро сходить в баню и с узелком белья подмышкой подходил к Театральному скверу. Поскребухин уже меня дожидался на скамейке. Но оказалось, что и на этот раз он меня обманул. Я разозлился и, обругав его, ушел. Очевидно Поскребухин понял, что я порываю с ним окончательно, и поэтому решил выдать меня охранке. Ведь я больше не мог быть ему полезным.

Все же я успел проводить в Богородск жену т. Винтина и сообщить через нее о моем предсто-

ящем отъезде туда на работу. Там же на Курском вокзале у меня была назначена встреча с Мартой Берзин, которая должна была мне передать почту, адресованную мне через Преображенскую больницу, а также отдать кое-какие средства, когда-то позаимствованные ею у меня.

Время, которое было необходимо для того, чтобы поспеть к 6 часам на совещание актива тверской группы на Больших Грузинах, было на исходе. Попрощавшись с товарищами, я бегом пустился по направлению к Грузинам. Из предосторожности я уничтожил по дороге полученную мною корреспонденцию. Трамваи почему-то не шли, и все расстояние мне пришлось пройти пешком. За Кудринской площадью, на спуске к Зоологическому саду, меня сзади вдруг кто-то схватил за плечо. Я вырвался и решил убежать. Однако место для этого было неподходящее — напротив как раз находился полицейский участок. На помощь шпику немедленно подбежали городовые и еще пара субъектов в штатском, и я оказался арестованным.

При обыске у меня обнаружили только книжку Тетмайера «Бездна». Вот вся добыча, которая попала в руки своры охранников. За себя я был спокоен,— обвинительных материалов для суда при мне не найдено.

Вслед за мной были арестованы тт. Марта Берзин, Антонина Берзин, Наталья Страутман, Стыпнек и Гульбис.

Это для тверской группы было значительным уроном, так как часть товарищей, скрываясь от преследований, на время приостановила подпольную работу.

Угнетало сознание, что я не выдержал до конца установленных правил конспирации. Именно это

привело к преждевременному провалу типографии, а также к моему аресту. Но в то время обстановка требовала непосредственного моего участия во всей работе тверской группы и московской организации. Отказаться от этой работы я не имел права. Это было бы трусостью, и никто из работников подполья на это не был способен.

В арбатском полицейском участке. В Таганке

Немедленно после ареста меня привели во 2-й арбатский полицейский участок. Уже стемнело, когда меня ввели в просторную камеру, где помещались 6 железных коек с наматрасниками на досках. В камере уже находился один арестованный. Как я, так и он очень осторожно отнеслись к знакомству. Я имел полное основание ожидать, что охранка посадила сюда своего агента, как это обычно практиковалось, чтобы спровоцировать малоопытных партийцев. Парень оказался политически малограмотным, что вначале еще больше оправдывало мои подозрения. Однако вскоре эти подозрения рассеялись. Мой сосед был наивным, начинающим поэтом. Он внимательно изучал стены камеры, исписанные изречениями и фамилиями побывавших здесь арестованных. Все это наводило поэта на очень грустные размышления. За эти годы я позабыл и фамилию автора и его стихи. Помнятся лишь следующие слова: «...Имена, имена без конца»... Да, стены камеры были сплошь покрыты именами революционеров, проходивших через эту камеру и уходивших потом куда-то в неизвестность — в Сибирь, в ссылку, на каторгу, на виселицу...

Меня уже начало угнетать настроение поэта, как вдруг в нашу камеру ввели нового жильца.

Хоть вновь прибывшего товарища я на воле ни разу не встречал, но нас как-то потянуло друг к другу. По приметам, данными мне и очевидно и ему т. Кизельштейном, мы скоро узнали друг друга. Новый жилец оказался Станиславом Косиором — членом организационного бюро по созыву городской конференции. Наш сосед сильно стеснял нас, и мы обменивались лишь самыми необходимыми сведениями.

Рано утром в нашу камеру ввели т. Кизельштейна. Как это было ни печально,—ведь это означало новый срыв городской конференции,—но мы с Косиором невольно улыбнулись: «не ошиблись ли явкой т. Кизельштейн?» Тот по своей привычке что-то сердито буркнул под нос, немедленно попросил папиросу, которой у нас, некурящих, не оказалось, и тоже улыбнулся, чертыхаясь: «Однако чисто работают, а?» Случайности быть не могло. Работала опытная рука охранника и провокатора. Но кто же этот провокатор? Я прямо обвинял Поскребухина и высказал подозрение и о Романове. И Косиор, и Кизельштейн были одного мнения со мной о Поскребухине. Надо было проверить наши подозрения, прежде чем писать на волю свой приговор. Для этого следовало наладить секретную почту, чем мы немедленно и занялись.

Среди «фараонов»[1] и тюремных сторожей всегда можно было за деньги найти услужливого человека. Нашли и мы. Стены полицейского участка потеряли свою неприступность. Была и живая почта: к нам в участок стали приводить арестованных на Страстной площади демонстрантов. Они передавали, что полиция стреляла в возмущенную

---

[1] Так назывались в дореволюционной России полицейские.

толпу рабочих и студентов, в результате был убит один студент.

Наблюдая, как переполняется участок арестованными за участие в демонстрации, мы надеялись, что эта случайная вспышка возмущения перерастет в широкое революционное движение.

Настал день похорон убитого на демонстрации студента. В связи с этим состоялась демонстрация революционного студенчества и рабочих. Но крупных забастовок в Москве не происходило.

Тем временем нас перевезли в Таганскую тюрьму. Полицейский участок необходимо было освободить для случайно арестованных — менее серьезных преступников. Оставлять нас, главарей московских большевиков, в такой широкой аудитории было опасно. И действительно, мы уже развернули в полицейском участке большую агитационную работу среди случайно арестованных рабочих. В Таганскую тюрьму нас повезли по-одиночке. Попав во внутренний коридор тюрьмы, я был поражен обстановкой. Чисто натертые полы, электрическое освещение, вокруг тюремных камер гирлянды лампочек. Шутя я сказал тюремному сторожу, отводившему меня в назначенную камеру: «У вас здесь прямо, как у Мюр и Мерилиза» [1]. Он иронически ответил: «Поживешь, не то запоешь». В камере, куда меня поместили, находился еще один человек. Из предосторожности мы обменивались лишь самыми необходимыми фразами: «Не холодно? Как кормят? Дают ли работу?» Оказывается, что кормят гречневой кашей размазней и пустыми щами. Без передачи жить

---

[1] Владельцы одного из крупнейших магазинов г. Москвы. В настоящее время там помещается образцовый универмаг Наркомвнуторга.

трудно. Но передача разрешена. Раз в неделю, если есть деньги, можно выписывать белую булку и колбасу.

Потянулись однообразные, томительные дни. Вскоре установилась внутритюремная почта и встречи на прогулке. Выяснилось, что здесь, в Таганке, сидят арестованные тт. Грунт и Берзин. Я немедленно установил с ними письменную связь через коридорных. Тов. Берзин сидел этажом выше, как раз над моей камерой. Так как он был старожилом тюрьмы, то оказал мне большую услугу, устроив передачу газет. Техника передачи была довольно простая: он заворачивал газеты трубочкой, привязывал к нитке и через форточку своей камеры спускал вниз к моему окну. Я крючком подхватывал нитку и втаскивал газету к себе. В это время мой сосед по камере заслонял собой окошечко в двери. Чтобы читать в камере газету, у нас выработалась особая техника. При чтении газета складывалась вдоль по гранкам, а потом сгибалась втрое и вчетверо, и у нас в руках была газета шириною не более книжного листа. Скоро выяснилось, что в нашем коридоре сидит и Станислав Вольский, который был арестован немедленно после массовки. Это лишний раз доказывало, что провокатором мог быть только Поскребухин. Так как в баню нас выводили целым коридором, то я имел возможность переговорить с т. Кизельштейном, Косиором и Вольским о дальнейших мероприятиях по выявлению провокатора. Было решено написать на волю о том, чтобы учинили следствие над Поскребухиным.

После месячного пребывания в тюрьме меня вдруг перевели этажом выше в камеру, где сидел т. Берзин. Это несомненно указывало на то, что охранка продолжает за нами следить и что она

убеждена в том, что я и Берзин оба причастны к типографии тверской группы.

Я продолжал отмалчиваться, и когда истекли два месяца, после которых по закону дело должно быть прекращено или передано в суд, я написал жалобу в департамент полиции и потребовал своего освобождения. На это последовало постановление особого совещания департамента полиции о задержке меня в заключении на дополнительный срок. Пришлось обосноваться в камере на продолжительное время. Чтобы время не уходило даром, я решил из тюремной библиотеки выписать необходимые книги и заняться учебой.

Изучая стены камеры, я обнаружил надпись: «Вячеслав Михайлович Молотов»— имя того представителя ЦК партии, встреча с которым у меня не состоялась. Теперь он был уже сослан в административном порядке в Сибирь. В январе 1916 г. наконец последовало постановление министерства внутренних дел о высылке меня на 4 года в Иркутскую губернию.

В это же время состоялся суд над тт. Грунт, Берзин и Крастынь. Первые двое были присуждены к 4 годам каторги, а Крастынь получила поселение в Сибирь.

Товарищи Косиор и Кизельштейн также были присуждены к высылке на 4 года в Сибирь.

В конце января была назначена наша отправка в Сибирь.

В один из последних дней января меня, Кизельштейна, Косиора и ряд других товарищей вывели на тюремный двор и под конвоем отправили в Бутырскую тюрьму. Здесь нам пришлось пробыть лишь одни сутки, так как на следующий день была назначена наша отправка в Иркутск. Перед от-

правкой на Казанский вокзал на всех арестантов, в том числе и на политических, надели наручники. При этой операции тюремщики явно издевались над арестованными. Так из всей партии арестованных выбрали меня, самого высокого, и Станислава Косиора — самого маленького и сковали одними наручниками. Нас с Косиором поставили первой парой, и мы пешком под усиленным конвоем, нагруженные своими вещами, поплелись к Казанскому вокзалу, утопая в глубоком снегу. Мы оба выбивались из сил. Станислав чертыхался и ругал меня за неумелую походку.

На Казанском вокзале нас загнали в вагоны, известные под названием «столыпинские собачьи ящики», и в них мы доехали до самого Челябинска. Там нас пересадили в еще более неудобные вагоны дачного типа, в которых мы должны были в сидячем положении доехать до самого Иркутска.

Неосторожная передача

О нашей высылке мы написали на волю и просили товарищей приготовить хоть какую-нибудь передачу на дорогу. Так у меня в Преображенской больнице остались теплые вещи, которые мне были необходимы в дороге, и я просил товарищей доставить их к моменту нашей отправки.

Оставшиеся на свободе товарищи немедленно исполнили мою просьбу. В один из январских дней меня вызвали в контору тюрьмы для получения передачи от жены. Я понял, что за «жену» себя выдала одна из товарищей, работавших сестрами в Преображенской больнице. Так как передачу принимали только от близких людей, то хитрость была необходима. В конторе

мне вручили большой узел с вещами. Войдя в камеру и разворачивая переданные вещи, я вдруг нащупал какую-то бумагу за подкладкой моего пиджака, принесенного вместе с другими вещами. Думая, что товарищи засунули за подкладку письмо с последними новостями, я с радостью засовываю руку за подкладку и вытаскиваю... резолюции к городской конференции, написанные моей рукой. Момент был критический. Что, если вдруг откроется окошечко и тюремный сторож увидит эту нелегальщину? Я немедленно разорвал резолюцию на мелкие куски и бросил в парашу.

Никто из тюремщиков не заметил этой операции, и опасные изобличительные документы были уничтожены. После этого я мог хладнокровно рассуждать. Если вначале я думал, что это хитрость полиции, то теперь эту мысль пришлось окончательно отбросить, так как тюремное начальство не допустило бы передачи этих резолюций в камеру, а немедленно приобщило их к моему делу. Было ясно, что товарищи, передававшие вещи с воли, допустили большую оплошность, а тюремные надзиратели недостаточно тщательно просмотрели передаваемые вещи.

Опасность была так близка... Этих резолюций было совершенно достаточно, чтобы приобщить меня к общему делу Тверской группы, по которому обвинялись Грунт, Берзин и Крастынь, и я вместе с ними получил бы 4 года каторги.

Снова в Москву

В Иркутской пересыльной тюрьме я заболел тифом и провалялся до конца апреля. Тем временем остальная партия политических ссыльных

ушла дальше и разместилась по селам Верхоленского уезда. Когда я со следующей партией ссыльных направлялся в Верхоленск, по дороге меня встречали старые знакомые. В селе Манзурка навстречу мне вышел товарищ Пылаев и, получив разрешение от конвоя, повел на квартиру к т. Молотову. Тов. Молотов предложил мне взять на себя работу по организации подпольной типографии для издания центрального органа ЦК партии. Я согласился и немедленно по прибытии к месту поселения стал готовиться к побегу.

10 ноября 1916 г. мне удалось бежать, достав фальшивый паспорт. До Иркутска я доехал на почтовых лошадях, а оттуда с курьерским поездом направился в Петроград. Мой побег прошел удачно, без всяких заминок. Оказалось, что в Петрограде мне не приготовили документы, а с сибирским паспортом проживать там было опасно. Пришлось поехать в Москву, чтобы получить документы и провести работу по организации подпольной типографии.

Москва встретила меня неприветливо. Полученная мною в Петрограде явка оказалась непригодной, так как Александр Яковлевич Аросев, к которому я должен был явиться, выехал на время из Москвы. Товарищей по Тверской группе тоже не удалось разыскать. Пришлось мириться с меблированными комнатами в районе Савеловского вокзала. Этот район мне казался менее опасным. Паспорт у меня был самодельный, но на одну ночь я рискнул его передать владельцу меблированных номеров для прописки. Передавая паспорт, я заявил, что на следующий день уезжаю из Москвы, и просил не передавать мои документы для дальнейшего оформления. Вопреки

моим ожиданиям, номера оказались очень неспокойными, городовые то и дело шныряли по коридорам, и на следующее утро я немедленно уехал в Сокольники. Этот лес не раз меня выручал до ссылки. Было рискованно заночевать в лесу в декабрьскую стужу, но другого выхода я не имел. Сходя с трамвая, я почувствовал, что на плечо опускается чья-то рука. Я струсил. Неужели шпики? Удастся ли убежать? Кругом толпа да и лес близко. Можно попытаться. Решив юркнуть в толпу, я порывисто оборачиваюсь и вижу знакомое лицо. Это брат Миши Богоявленского — одного из наших партийцев. Дядя, это ты? — спрашивает он. Я даю ему знак молчать и отвожу в сторону. — Бери лыжи идем с нами, — продолжает он все еще не понимая моего положения. Тогда я был вынужден признаться, что я беглец, только что приехал из ссылки и что мне негде ночевать. Прежде чем отправиться на лыжах надо подумать о ночлеге. — Устроим, — успокаивает он. Схватив под руки, он тащит меня в свою компанию. Там я вижу старых знакомых — сестер Выдриных и еще человека два-три молодежи. Укрепив лыжи, мы все бродим по просекам Сокольнического леса. Вот уже наступили сумерки. Я почувствовал себя смелее. Из Сокольников мы направились на Самотечную к сестрам Выдриным, где я и заночевал. Утром выясняется, что за их квартирой усиленная слежка, поэтому на следующее утро меня переправляют дальше — в другой район, на Ирининскую улицу, к партийным работницам кондитерской фабрики Центросоюза.

Так до приезда товарища Аросева мне пришлось кочевать с квартиры на квартиру, пока наконец не возвратился он. Тов. Аросев устроил

меня у товарища Дудаковой, где я и прожил долгое время без документов. Здесь наконец я получил паспорт зятя Дудаковой — Василия Николаевича Николаева и с тех пор, вплоть до февральской революции, я жил под его именем.

В Москве я рассчитывал найти остатки прежней типографии. У Альмы Берзиной я узнал, что типография до сих пор не розыскана. Несмотря на составленный мною план, товарищи не могли найти места, где она зарыта. Так как была зима, раскапывать ее было невозможно.

Всего год с небольшим прошел с тех пор, как охранка меня захватила, а Москва за это время стала неузнаваемой. Значительно выросли и окрепли существовавшие при мне партийные группы, возникли новые. Так в Пресненском районе, где я укрывался у товарища Дудаковой, была крепкая большевистская группа молодежи — учащихся краснопресненских общеобразовательных курсов. В этой группе состояли такие известные партийные работники, как Андреев, сын Дудаковой, Николаев В. Н. и др.

Довольно большую работу проводили и товарищи из военной группы. С ними я установил связь через товарища Аросева. Подпольная работа проводилась как в военных училищах, так и в солдатских казармах. На месте Тверской группы возникла очень мощная Северная группа, о работе которой необходимо сказать особо.

В связи с продовольственными затруднениями московские рабочие все более революционизировались.

Почва для развертывания нашей большевистской агитации была подготовлена.

Северная группа

Северная группа возникла на основе тверской группы РСДРП. В нее вошли все уцелевшие подпольные работники Тверской группы и все подпольщики, приехавшие в Москву из Риги, в связи с эвакуацией ряда крупных заводов — «Феникс», «Проводник» и др. Число членов Северной группы достигло около 200 человек. Группа состояла из 8 фабрично-заводских коллективов, одного студенческого коллектива и высшего теоретического кружка, который ставил своей задачей подготовку пропагандистов.

В отличие от Тверской группы Северная группа была тесно связана с заводами. Это позволяло ей развернуть широкую агитационную работу среди рабочего населения. Целый ряд забастовок, возникших на заводах, был организован работниками Северной группы. Так например на заводе «Унион» в 1916 г. после ареста сорока рабочих была организована политическая забастовка. В этом же году к годовщине кровавого воскресенья —9 января на военно-промышленном заводе состоялась демонстрация рабочих. Там же 1 мая была проведена забастовка.

Весною этого же года Северной группой была организована забастовка пошивочных мастерских «Земгор», а в ноябре были организованы забастовки на заводах «Эриксон», «Дангейзер» и др.

Северная группа успешно продолжала начатую Тверской группой работу по организации массовок. Массовки разрастались — к осени 1916 г. число участников массовок превышало 250 человек. В отличие от Тверской группы северная группа состояла преимущественно из рабочих, и в этом

была ее сила. Группа имела связи со всеми районами, не только через Московский комитет, но и благодаря своей умело налаженной работе.

В связи с эвакуацией рижских заводов и волной беженцев Северная группа установила связи с целым рядом крупных промышленных городов. Так группа имела связь с Ригой, Саратовом, Самарой, Петроградом, Харьковом и Тулой. Это позволило группе производить обмен литературой, быть в курсе вопросов рабочего движения и стать обслуживающим центром большевистских организаций иногородних групп.

Несмотря на неоднократные аресты (в начале 1916 г. было одновременно арестовано 48 человек), группа продолжала сохранять прежнюю организационную мощь и все время увеличивалась. Находясь на позициях революционного марксизма, неуклонно проводя в жизнь директиву Центрального комитета большевиков, группа играла значительную роль в работе московской организации по подготовке февральской революции.

Группа перенесла в условия Москвы все организационные навыки социал-демократии Латышского края. Так наряду с работой по вербовке новых членов и организации их учебы и снабжению литературой, группа имела и свой «Красный крест» для обслуживания арестованных товарищей и их семей.

Несмотря на строгую конспирацию и отсев подпольных работников, все же в среду Северной группы проникли два провокатора, приехавшие из Риги,— Берман (Рудис) и Спрогис. Этих провокаторов выявили и тем самым устранили язву, разъедающую партийную организацию.

О малодушных, колеблющихся и ренегатах

Война и сопутствующие ей репрессии царского правительства были тем пробным камнем, на котором проверялась закаленность большевика. В московской организации было немало колеблющихся и малодушных. Большой отсев происходил за счет подпольщиков-интеллигентов.

Одни заразились ура-патриотизмом и, ссылаясь на падение германской социал-демократии, пошли в действующую армию. Среди них была молодежь, увлекавшаяся «нашивками», которые гарантировали почет и успех у женщин. Однако большинство из них окопалось в тылу.

Другие, ссылаясь на благоразумие, говорили, что «вести в Москве активную революционную работу все равно, что обводнить пустыню Сахару», они испугались репрессий, углубились в книги, готовясь к научной карьере.

Третьи, испугавшись охранки, лишь потихоньку помогали активу, и только они не порвали окончательно с партией. Как только разрядилась атмосфера, они вернулись к активной работе. Среди части наших членов партии были шовинистически настроенные товарищи. Не разобравшись в сложных классовых и политических вопросах, они пошли на фронт,— это были оборонцы.

Однако стоило столкнуться с тяжелой действительностью, как сразу раскрылись глаза на сущность буржуазной системы. Уже к осени 1915 г. все рабочие выступления в Москве указывали на то, что шовинизм в основной рабочей массе был изжит.

Отсев очистил большевистские ряды от чуждых и колеблющихся элементов и от ренегатов.

Партийные ряды стали более сплоченными. В партии остались люди убежденные. Эта монолитность наших рядов обеспечила победу в февральские, а потом в октябрьские дни. Закаленные в борьбе с меньшевиками, большевики в годы империалистической войны еще больше завоевали доверие рабочих масс.

Вот что Ленин писал об отсеве в рядах социал-демократии:

«Она (война. — Л.) не только убивает «скорострельной пушкой» оппортунизм и анархизм, она великолепно разоблачает также авантюристов и переметных сум социализма. Для пролетариата в высшей степени выгодно, что эту предварительную очистку его движения история начала делать накануне социалистической революции, а не в самом ходе ее»[1].

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 320, изд. 2-е.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор **К. Добраницкий**
Техред-выпускающий **А. Лилье**
Обложка работы художника **Р. Житкова**

Сдано в набор 19/VIII 1935 г.	Мособлгорлит № 24892
Подписано к печати 2/XI 1935 г.	Московский рабочий № 406
Формат бумаги 72×105 $^{1}/_{32}$	Заказ № 722
Объем $3^{3}/_{8}$ печ. л.	Тираж 12 000 экз.

39-я типография, проезд им. Скворцова-Степанова, 3

Цена 60 коп.

